ПЕ
П-48

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

947
48.
ИСКЛЮЧЕНА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XX ВЕКЕ

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

сф 1961
~29

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУН. УН-ТА
ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА—МОСКВА—1926

ГПИБ России
10011684

Отпечатано в Тверской Гостипографии им. Карла Маркса
Главлит № 62054
Тираж 6.000.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
622907
сф. 45417

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей брошюре воспроизведены четыре лекции, прочитанные автором сначала—весною 1925 г.—в Свердловском университете, а потом—в конце зимы 1926 г.—на курсах уездных партработников. Основное фактическое содержание и план изложения обоих курсов совершенно тождественны, но во второй редакции (стенограмма которой взята за основу) имеются некоторые фактические подробности, отсутствующие в первой, а самое изложение сделано, насколько было возможно, еще более общедоступным. Как очень популярный очерк международных отношений России, кончая интервенцией 1918—1920 гг., брошюра и предлагается читателю.

Само собою разумеется, что открывать какие-нибудь новые перспективы в таком популярном очерке не приходится,—и если читатели найдут здесь, может быть, что-либо для себя новое, то лишь потому, что вообще марксистских обзоров русской внешней политики за новейшее время в литературе почти не имеется.

Основная точка зрения автора также не заключает в себе ничего нового, и неоднократно высказывалась им в его прежних работах. Она сводится к тому, что внешняя политика царского самодержавия отвечала интересам той общественной группировки, которую представляло самодержавие внутри страны—интересам блока крупного землевладения с купеческим капиталом. Появляющиеся в последнее время в нашей литературе попытки доказать, что в последние десятилетия своего существования самодержавие представляло собою политически не эту группировку, но интересы нового общественного слоя, промышленной буржуазии, не кажутся автору ни в малой степени убедительными. Попытка пересматривать и «углублять» точки зрения Ленина в каком бы то ни было вопросе—дело до чрезвычайности ответственное и рискованное, и предполагает, что

пересматривающий, если не стоит на одном уровне с Лениным, то, по меньшей мере, стоит к нему в таком же отношении, в каком Энгельс стоял к Марксу. От автора в высшей степени далека подобная смешная претензия. Автор думает, что то, что говорилось насчет самодержавия Лениным, вполне правильно и по сей день. Возможность изменения классового содержания царизма Ленин допускал—он не был бы диалектиком, если бы он не допускал его принципиально,—но от возможности до действительности очень большой шаг, и, по Ленину, самодержавие за время своего существования этого шага не сделало. Впрочем, лучше всего говорить словами самого Ленина. Я приведу два наиболее важные в этом отношении отрывка. Первый относится к 1909 году и неоднократно цитировался, но без начала и без конца, что совершенно искажало его смысл.

«И самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплоататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской, и быть не могло.

На новом поприще, при учреждениях бонапартистской монархии, на более высокой ступени политического развития борьба начинается опять с устранения прежнего врага, черносотенного самодержавия» *).

Итак, самодержавие, несмотря на изменение внешней формы, оставалось «полуфеодальным, полупатриархальным» до начала XX века и продолжало оставаться «черносотенным» (т.-е. крепостнически-помещичьим) еще в 1909 г. при действии столыпинской конституции. Этот совершенно ясный и единственно возможный вывод из слов Ленина и был сделан им самим в 1917 году.

«Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914) гг. обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых,—этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, революционеров,—этих «первых среди равных» помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности». И далее, перечисляя „три политических лагеря, три основные политические силы“, имевшиеся налицо накануне революции 1917 г., Ленин начинает перечень так: „царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета“ **).

Никакого «перерождения» самодержавия из политического возглавления крепостного хозяйства в политическую организацию промышленного капитализма у Ленина найти нельзя. Самодержавие могло стать «буржуазной монархией» в полном смысле этого слова, т.-е. на 100% уподобиться империи Наполеона I или Наполеона III, но оно ею не стало. До конца своих дней оно продолжало оставаться «исполнительным комитетом» крепостников-помещиков—и, стало быть, их союзника—купеческого капитала,—ибо отрицать связь крепостного хозяйства с торговым капитализмом еще никто у нас не пробовал.

---

*) «Сочинения», XI, ч. I, стр. 203. (Разрядка моя. М. П.).

**) «Сочинения», XIV, ч. I, стр. 5—6. (Курсив Ленина. М. П.).

В заключение два слова о заглавии: я думаю, что, назвав свою брошюру «Внешняя политика Р о с с и и в XX веке» я поступил правильно: в 1920 году, на котором останавливается изложение, СССР еще не было. В то же время внешняя политика РСФСР после 1920 года слишком тесно связана с политикой Советского Союза, чтобы их можно было рассматривать раздельно. Еще одно замечание. На стр. 45-й у меня говорится о взаимной ненависти „сербов и болгар". Я полагаю, что всякий читатель и сам догадается, что речь идет о болгарской и сербской б у р ж у а з и и, а никак не о сербских и болгарских рабочих или крестьянах. Но лучше и это оговорить.

22/V—1922.

М. П.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Ленин говорил о внешней политике, что «выделять внешнюю политику из политики вообще, а тем более противополагать внешнюю политику внутренней, есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль». Это как будто заранее уничтожает тот маленький курс, который я собираюсь вам прочесть. Но если вы вспомните, сколько есть статей у самого Ленина, посвященных специально внешней политике, то вы поймете, что под «противоположением» Ленин здесь разумел не то, что нельзя отдельно говорить о внешней политике, а разумел, совершенно очевидно, что и внешняя и внутренняя политика государства определяются, в конечном счете, одной и той же силой. Вслед за тем отрывком, который я взял, Ленин это иллюстрирует примером, говоря, что империализм одинаково враждебен демократии как во внешней политике, так и во внутренней. Империализм есть единственная сила, которая определяет одинаково как внешнюю политику империалистских стран, так и внутреннюю их политику. Вот что он хотел сказать. Поэтому из этих слов Ленина отнюдь не следует, что мы с вами не можем заняться отдельно внешней политикой, а значит только, что наше понимание внешней политики России должно быть увязано тесным образом с тем внутренним политическим процессом, какой в России происходил и который вы, как мне кажется, изучили.

И внутренняя и внешняя политика России конца XIX и начала XX века, в последние два или три десятилетия перед революцией, как и раньше, нужно сказать, определялась той господствующей силой, которая направляла общие судьбы нашей, в те времена несчастной, страны,—самодержавием. Самодержавие было руководящим началом как внутренней, так и внешней политики.

А что такое самодержавие? Самодержавие, как я уже ска-

зал однажды и как я имею все основания повторять, несмотря на всякую критику и возражения, это есть та политическая организация, которая свойственна торгово-капиталистическому государству или, как я выразился короче, это есть политическая организация торгового капитала.

Так как вы изучали внутреннюю политику царской России, то я не буду вам приводить тех фактов, вам хорошо, конечно, известных, которые иллюстрируют эту мысль примерами из внутренней политики: как самодержавие создавало крепостное право, в какой связи это крепостное право, или, точнее—крепостное хозяйство, стояло со всей системой торгового капитализма,—это вы все хорошо знаете и нет надобности к этому возвращаться.

Значит, внутренняя и внешняя политика России была политикой торгово-капиталистического государства. Прежде всего позвольте отвести одно возражение, которое вы, вероятно, слышали, которое повторялось и будет повторяться. Говорят, что это противоречит диалектике. Как? в XVI веке Россия—государство торгового капитала; в XVIII веке Россия—государство торгового капитала, в XIX веке тоже, в начале XX века тоже. Это, говорят, явное отрицание диалектики. Покровский не диалектик, Покровский метафизик, для него все вещи неподвижны. Прежде всего, позвольте привести маленький пример. Что Англия XVIII века—капиталистическое государство или нет?—Капиталистическое. А Англия XX века, теперешняя Англия,—страна капиталистическая?—Капиталистическая. Отрицание диалектики! Как же, и 200 лет тому назад Англия была страной капиталистической и сейчас она капиталистическое государство. Нельзя. За это время должны были произойти какие-то перемены. Если в XVIII веке Англия—страна капиталистическая, то сейчас она, значит, не капиталистическая. На этом примере позвольте указать, что я нахожусь в весьма хорошей компании по этой части, в очень хорошей, даже в чересчур хорошей компании. Если вы развернете «Коммунистический манифест», то вы там прочтете в одном месте, что «неизменное сохранение старого способа производства было первым условием существования всех прежних (до-капиталистических) промышленных классов».

Значит, с торжеством заключил бы один из моих милых критиков, до капитализма не было диалектики! Караул! Маркс и

Энгельс—метафизики. Я говорю, что слишком хорошая компания. Очевидно, что и Маркс и Энгельс не хотели сказать буквально, что отношения были неподвижны, а они хотели сказать, что развитие при господстве мелкого производства шло столь медленно, что его не замечали, оно не бросалось в глаза.

А теперь, что такое эпоха торгового капитала? Это и есть та эпоха, когда обмен централизован капиталистически, а производство—мелко-ремесленное, то самое, о котором Маркс и Энгельс говорят в «Коммунистическом манифесте», что при господстве этого мелкого ремесленного производства развитие идет так медленно, что его можно не заметить, что, как в математике бывает, величина бесконечно малая приравнивается к нулю. Вот какое значение имеют эти слова Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте». Значит, диалектика и быстрота развития—это совсем не одно и то же. Диалектика и кинематограф—это совсем не одно и то же; это две вещи различные. Вовсе необязательна кинематографическая быстрота для того, чтобы было диалектическое развитие.

Как медленно идет развитие в торгово-капиталистических странах, покажет один пример. От одного, весьма компетентного, человека мне пришлось слышать, что в Китае торговый капитализм начал складываться за три столетия до христианской эры. А сейчас, какой капитализм в Китае?—Почти преобладает система капитализма торгового; в промышленный капитализм Китай только вступает. Тут уже видите, товарищи, не 400 лет, как у меня—с XVI по XX век,—а 22 столетия, 2200 лет встречаетесь вы с тем же торговым капитализмом. Чем это об'ясняется? Пример Китая тут очень хорош. Китай—это государство с 300 миллионым населением,—колоссальное политическое тело. Для того, чтобы торговый капитализм прососался во все поры этого громадного тела, овладел всем оборотом, для этого нужно было громадное количество времени, особенно принимая во внимание, что Китай был изолирован и что процессы, в нем происходившие, совершались в нем, как в закупоренной коробке. При таких условиях, естественно, этот процесс развития торгового капитализма в Китае потребовал тысячелетий. У нас масса была менее грузная, чем в Китае, не 300 миллионов, а под конец всего сто миллионов населения, но все же масса была довольно большая, и мы видим, как долго торговый капитализм

не мог добраться до первичной ячейки нашего земледелия, до крестьянского двора и до крестьянина. В течение 2-х с лишним столетий торговый капитализм дирижировал этим крестьянином через посредство помещика; он не мог просочиться непосредственно в деревню. Только в середине XIX века торговый капитализм решается подойти к мужику вплотную, взять его в руки непосредственно, отказаться от помещика, как от своего агента, ибо помещик был до известной степени агентом торгового капитала; этим его функции не исчерпывались, но, между прочим, он был агентом торгового капитала. И только тому назад лет 60-70 торговый капитал начинает считать возможным обойтись без этого агента и эксплоатировать крестьянина непосредственно. Вот почему торговый капитализм развивался у нас так медленно и вот почему понадобились три столетия для того, чтобы он окончательно проник во все поры народного хозяйства. Так что медленность тут в достаточной степени оправдывается самой сутью дела.

Какой ошибки надо избегать? Надо избегать той ошибки, чтобы представлять себе капитализм, как какое-то одноцветное сукно. Из Ленина вы знаете, что у нас сейчас в советской стране имеются пять типов хозяйства: патриархальное, мелкое товарное, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм. А в других странах и в другие времена этого не было? Это свойственно только России? Всегда было. В XVI веке у нас существовал не только торговый капитализм и патриархальное крестьянское хозяйство в неизмеримо более распространенном виде, нежели оно существует сейчас, но и мелкое торговое, мелко-товарное хозяйство точно так же, как существует сейчас. В XIX веке к концу картина становится еще пестрее, потому что тут начинает действовать диалектика развития капитализма вообще, и торговый капитал рождает своего антагониста—промышленный капитал. Значит, к торговому капиталу и ко всем патриархальным и прочим видам хозяйства прибавляется еще промышленный капитализм. Картина становится еще пестрее. Но значит ли это, что эта картина не представляет ничего целого, что она ползет в разные стороны?—Нисколько не значит. Что, сейчас у нас есть какое-нибудь определяющее начало, какой-нибудь стержень? Социалистическое хозяйство является определяющей силой. И тогда был один определенный стержень. Этим определенным стерж-

нем был торговый капитализм, торгово-капиталистическая система, которая заставляла себе подчиняться все остальные типы хозяйства, какие существовали рядом, подчиняться, конечно, опять-таки не безусловно. Вы прекрасно знаете, что господство социалистического типа хозяйства не мешает нисколько тому, что мы даем дышать кулаку, сознательно даем ему дышать, что у нас существуют нэпманы, существуют концессии, хотя в небольшом количестве и т. д. Точно также, как вы видите, государство торгового капитализма не мешало у нас в России тому, что в нашей политике,—она не наша была, а царская,—все равно—в царской политике,—проявлялась известная тенденция и других видов хозяйства. Это совершенно верно. Но определяющим стержнем был именно торговый капитализм.

Ярче всего это видно, именно, на нашей внешней политике. Что вы хотите делайте с фактической стороной русской истории, как вы над ней ни мудрите, вы топором не вырубите того факта, что если стержнем всей нашей хозяйственной системы в то время был торговый капитал, то стержнем нашей внешней политики была борьба за торговые пути. Против этого ничего нельзя возразить, потому что это совокупность фактов, осознанных, понятых еще в то время; для того, чтобы отрицать это, нужно все эти факты выкинуть из истории.

Вся наша внешняя политика была борьбой за торговые пути. Сначала с Грозного до Петра Романова, с XVI по начало XVIII века, это была борьба за Балтийское море, за северный торговый путь. Со второй половины XVIII века, с Екатерины II и до Николая II включительно, это была борьба за Черное море и проливы, ведущие из Черного моря в Средиземное, борьба за южные торговые пути. Все войны, которые вела Россия за это время, все классифицируются по этим двум задачам, решительно все. Так называемая Великая северная война, которую вел Петр, это была борьба за Балтийское море. Затем турецкие войны Екатерины II, так называемые восточные войны Николая I, Александра II и, наконец, последняя война Николая II, это все была борьба за торговые пути на юге, за Черное море, за его проливы,—факт, не подлежащий никакому сомнению. Если кажется, что Россия воевала за что-нибудь другое, то, покопавшись, вы увидите, что в корне лежала опять та же самая основная цель. Александр I сначала в союзе с Англией воевал против Наполеона. Позже, разбитый фран-

цузами, он с ними боролся против англичан. Из-за чего? Он это сам сказал. Когда Александр I приехал в Эрфурт на свидание с Наполеоном, что он просил у Наполеона? Он просил у Наполеона Константинополь. Даже когда война шла очень далеко от этого места, и, казалось, его вовсе не касалась, стержнем борьбы была борьба за проливы и Константинополь.

И вот, как будто исключением в этой области и является японская война, о которой мне сейчас придется говорить вам. Как будто тут никакие проливы и никакой Константинополь не при чем.

Но прежде, чем перейти к этой истории происхождения японской войны, позвольте вам наглядно охарактеризовать, в чем же разница между политикой торгово-капиталистического государства, какой являлась русская политика, и внешней политикой промышленного капитала. Этот пример очень хорошо привести, потому что иначе вам может показаться: ну, что же такого, что борьба велась за торговые пути? Ведь всегда война велась из-за этого. Вот мы сейчас с вами и посмотрим. В 1870 году Германия воевала с Францией. Франция была разбита. Был заключен Франкфуртский мир в 1871 году. И вот, когда заключали этот Франкфуртский мир, было ли хоть одно слово сказано о торговых путях? Требовала ли Германия от Франции, чтобы Франция уступила ей, скажем, Брест, крупнейший порт на Атлантическом океане? Мы плохо себе географию представляем. Германия имеет прямые выходы на океан, или нет?—Она их не имеет. Она выходит одним концом на Балтийское море, а другим концом на Северное или Немецкое море, это залив Атлантического океана. Но в открытый океан Германия не имеет выхода. Представьте себе, что Германия—торгово-капиталистическое государство, которое борется за торговые пути. Она к чему стремилась бы?—Чтобы получить выход на океан. Какой?—Да вот во Франции есть Брест. Он находится на крайнем западом выступе Западной Европы, в Бретани, и врезается клином в Атлантический океан. Об этом ни слова никто не говорил, никто этим не интересовался. А о чем шел спор между Францией и Германией при заключении Франкфуртского мира, после войны? Шел спор из-за Саарского бассейна и из-за этого началась война. Там уголь. Для Франции об этом шел спор. А для Германии из-за чего шел спор? Из-за лота-

рингской руды. Почему французы, живущие в Лотарингии, должны были моментально превратиться в немцев?—Потому что у этих несчастных под ногами была та руда, которая была абсолютно необходима германской промышленности. Когда определяли границы между Германией и Францией при заключении мира, то в пограничную комиссию Бисмарк, германский канцлер, который руководил германской политикой, требовал включения горных инженеров, которые должны были при проведении границы сообразоваться с тем, где есть руда и где нет руды. Значит, из-за чего шла борьба между этими двумя государствами—Францией и Германией?—Из-за угля, с одной стороны, и из-за руды, с другой стороны, а не из-за торговых путей. Вот вам наглядный пример разницы тех целей, которые ставят себе во внешней политике торговые и промышленно-капиталистические страны. Прибавлю, что в предыдущий торгово-капиталистический период, и Франция знала войны за торговые пути: весь XVIII век она вела борьбу с Англией из-за Средиземного моря, великой водной дороги из Западной Европы в Азию. Последним эпизодом этой борьбы была египетская экспедиция Наполеона в 1798 г.

Повторяю, товарищи, как будто бы исключением из этой характеристики русской внешней политики в XIX и в начале XX века, той характеристики, которая гласит, что это была борьба за торговые пути, т.-е. политика, свойственная торгово-капиталистическому государству, — как будто бы исключение представляет японская война. О самой японской войне, об ее предпосылках я буду говорить в следующий час, а сейчас позвольте этот подход к японской войне высказать, может быть, в несколько парадоксальной форме. На берегах Тихого океана царская Россия воевала за те же самые проливы. Там другие проливы, и, казалось бы, что общего между этими проливами и теми? Между ними расстояние должно быть не меньше 15 тысяч километров, но тем не менее борьба шла из-за того же самого. Борьба за проливы в середине XIX века привела к столкновению России Николая I с так называвшимися тогда морскими державами. Когда борешься за торговые морские пути, то, конечно, скорей всего можешь встретить у себя на дороге те страны, корабли которых плавают по морям. Этих «морских держав» (термин чрезвычайно характерный для наших политиков XIX в.) тогда было две: Франция и Англия. С ними про-

изошло столкновение в середине XIX века. Я не буду об'яснять подробностей этого столкновения, но кончилось оно тем, что нас разгромили. Английские и французские войска высадились в Крыму, взяли Севастополь, и по Парижскому миру в 1856 году Россия была лишена права держать флот на Черном море. Это был, как казалось тогда противникам России, смертельный удар русской политике в борьбе за проливы. Не имея военного флота на Черном море, Россия, конечно, и мечтать не могла ни о каком захвате проливов. Александр II вынужден был подписать этот мир, потому что у него внутри страны было очень неблагополучно к концу войны. Крестьяне волновались и волновались в таких размерах, что все большее и большее количество военных сил от задач внешней политики, от борьбы с французами и англичанами приходилось отвлекать для борьбы с русским мужиком. Такое положение вещей, конечно, было слишком опасно для Александра II, и он подписал этот мир, подписал, как он публично выражался, в минуту трусости. Этой минуты трусости он простить себе не мог. Когда он посетил развалины Севастополя в 1861 году, он писал оттуда своему сыну Николаю, умершему потом, старшему брату Александра III: «Я не умру спокойно, пока не увижу Черноморского флота возрожденным».

Таким образом, возрождение Черноморского флота, аннулирование результатов Парижского мира становится стержнем всей политики Александра II. На этой почве он сближается с Германией, помогает ей разгромить Францию в 1870—71 г. и, ввиде взятки за эту помощь, в 1871 году добивается отмены той статьи Парижского трактата, которая запрещала России держать флот на Черном море. А с возрождением Черноморского флота начинается снова та же борьба за проливы. В 1877 г. Александр II об'являет войну Турции. Русские войска доходят до Константинополя, но под Константинополем они встречают обращенные на них пушки английских броненосцев, а в тылу России изменяет Австро-Венгрия, с которой перед войной был заключен договор. Русские этот договор нарушили, австрийцы этим воспользовались и выступили с тылу. У Александра II опять наступила минута трусости и он подписал новый трактат, соглашение, по которому Россия не получила ни Константинополя, ни проливов. Это было крушение, можно сказать, всей жизни Александра II. Когда он вернулся с войны, то долго его не видавший министр Валуев записал в своем

дневнике: «коронованная полуразвалина». Такое впечатление производил тогда Александр II в то время. Народовольцы только добили эту «коронованную полуразвалину». Александру II навсегда не удалась эта попытка завладеть Константинополем и проливами; и это был уже конченный человек.

После его смерти борьбу продолжает его сын. Александр III, заключает целый ряд договоров, имевших ввиду получить для России Константинополь, но до войны он не дошел. У него был тот же союзник—Германия—и тот же враг. Я сказал, что под Константинополем русские войска наткнулись на пушки английских броненосцев; другими словами, как под Севастополем в 1855 г., так и под Константинополем в 1877—78 г. одинаково поперек дороги России стояла одна и та же сила. Под Севастополем стояли обе морские державы—Англия и Франция. Франция была теперь разбита и лизала руки у того же Александра III, но Англия продолжала стоять на ногах, и поскольку она стояла на ногах и владычествовала над морями, с ней приходилось иметь дело. Вот почему русско-турецкая война 1877—78 года была связана с рядом высшей степени показательных фактов. В самом ее начале, еще война не началась с турками из-за Константинополя, а уже есть проект Скобелева предпринять поход из русского Туркестана, теперешнего Узбекистана, в Индию, при чем Скобелев делает вполне реальные попытки в этом направлении. Он сам пробует перейти с войсками и артиллерией через Гиндукуш, доказывает, что это возможно и что вторгнуться в Индию можно. А когда русские увидели под Константинополем пушки английских броненосцев, то дело пошло еще дальше. В Афганистане появляется миссия генерала Столетова, который агитирует афганцев за союз с Россией. Туркестанский военный округ мобилизуется и заранее распределяется, как по трем направлениям три колонны из Туркестана пойдут в Индию. Таким образом, война с Англией совсем почти у порога. Берлинский мир оборвал это развитие. Два года спустя после этого экспедиция Скобелева, первого русского генерала того времени, «полководца, Суворову равного», как было написано на его надгробном венке,—высаживается на восточных берегах Каспийского моря; происходит завоевание теперешнего Туркменистана; русские захватывают Закаспий и захватывают с большим расчетом; строят железную дорогу, которая за ними идет, явно двигаясь к «воротам Индии»—к Герату.

Возобновляется наступление на Англию. Англичане попробовали сагитировать афганцев на свою сторону, но афганский отряд, решившийся загородить дорогу русским, был разбит. Это было в 1885 году. Совсем, казалось, на волоске была война с Англией, но и на этот раз до войны не дошло. Англичане проглотили ту неприятность, которую им нанесли русские войска под Кушкой, разбив афганцев,—не решились начать борьбу с Россией, потому что они в то время были лишены всяких континентальных союзников. С Германией Александр III был в союзе, с Францией у Англии еще не наладились отношения, у Александра III был уже кое-какой флот, так что английской торговле он повредить мог—была реальная опасность для Индии,—а России на сухом пути Англия была бессильна что-либо сделать. Был опять заключен худой мир. На этот раз фактически мира не было, потому что фактически и войны не было, но к войне продолжали готовиться с обеих сторон—строится чрезвычайно энергично Черноморский флот, некоторые единицы которого вы можете видеть на фильме «Броненосец Потемкин». Все это—флот, построенный на Черном море Александром III. И вот, именно, это столкновение с Англией и дало толчек к дальневосточной авантюре. Именно в этой связи Александр III начинает интересоваться Дальним Востоком. Почему?—На Дальнем Востоке нам принадлежала одна гавань—Владивосток, вам хорошо известный. Совершенно ясно было, что если в этом Владивостоке держать хорошую крейсерскую эскадру и в момент войны выпустить ее на Тихий океан, то она может нанести жестокий удар дальневосточной торговле Англии, разорить Гон-Конг, угрожать Австралии или, по крайней мере, связям Англии с Австралией, угрожать Индии. Такая крейсерская эскадра у России тех дней была. После столкновения в 1877 г. был создан так называемый «добровольный флот». Это были отчасти купленные, отчасти вновь построенные быстроходные пароходы, которые в мирное время возили арестантов на Сахалин, а обратным рейсом, из Китая в Россию—чай, но они были приноровлены для военных целей, на них имелись пушки и другие приспособления, и они могли быть в очень короткое время—в пару недель—превращены в военные крейсера. Это была, таким образом, довольно грозная крейсерская эскадра, тем более, что в 80-х годах в ней были уже довольно хорошие, быстроходные пароходы.

Опорной базой их мог быть тогда только Владивосток. Но когда стали об этом думать, то натолкнулись на такое затруднение: а как доставить во Владивосток все, что нужно, чтобы он сделался базой и как доставлять все, что нужно для кораблей, верфей и тому под.: машины, материалы, уголь и т. д.? Как?—Только по морю. А по морю англичане пустят?—Конечно, не пустят. Ясное дело, что Владивосток может быть заблокирован в любой момент англичанами. А тогда что?—Тогда не угодно ли гужем везти из центральной России за 10 тысяч километров к Владивостоку все, что нужно. Мыслимая это вещь?—Конечно, не мыслимая. И вот, под впечатлением событий 80-х годов, Александр III решает во что бы то ни стало построить сибирскую дорогу, связать рельсовой колеей центральную Россию с берегами Тихого океана. Тогда по этим рельсам можно будет подвезти и пушки, и уголь, и солдат, и все, что угодно, и тогда Владивосток действительно может стать грозной морской базой, которая держала бы под шахом Англию на Дальнем Востоке, подвергая ее всегда возможности нападения со стороны России. Вы видите, как борьба на берегах Средиземного и Черного моря привела к борьбе на берегах Тихого океана.

Итак, то, что носит название «дальне-восточной авантюры», зародилось в середине 80-х годов, и если называть царя, который начал эту авантюру, то приходится назвать Александра III, который начал во второй половине 80-х годов строить Сибирскую ж. д.,—по выражению Витте, царского министра, человека, несомненно, осведомленного в этом деле,—самую стратегическую изо всех русских железных дорог. Ни из каких других соображений, кроме стратегических, вы постройки Сибирской ж. д. не поймете. Но это не была, конечно, самодовлеющая стратегия. Строили вовсе не ради отвлеченных военных соображений, а строили потому, что интересы русского торгового капитала требовали господства России на проливах,—на Босфоре и Дарданеллах, а это привело к столкновению с Англией; Англию же было всего легче уязвить на Тихом океане; поэтому нужно было стать на Тихом океане твердой ногой.

Вы видите, что дальне-восточная авантюра есть один из эпизодов в русско-английской борьбе. Я не знаю—достаточно это аудитории ясно, или нет. Я обо всех этих проливах гово-

рил в общих чертах, представляя себе, что значение их торгово-капиталистическое ясно, потому что это был путь для русской пшеницы в Западную Европу, а главным товаром, на котором русский торговый капитал строил свое благополучие, был, как вы знаете, хлеб. Может быть полезно несколькими цифрами это иллюстрировать. Как у нас рос вывоз хлеба перед турецкими войнами в XVIII веке, покажут следующие цифры. Первая турецкая война началась в 1769 г. За десятилетие перед этим вы знаете, во сколько вырос вывоз русского хлеба? Почти в десять раз. Если мы примем цифру 60-го года за 100, то цифра 69-го года будет 958. Так просился наружу русский хлеб. И вот под давлением этого русского хлеба, который, конечно, просился не в своей натуральной форме—форме мешков с рожью,—он в таком виде лежал спокойно, но купец, который хотел продать его за высокую цену во Франции и в Италии, старался его вывезти.

Теперь значение для этого хлебного вывоза этих проливов Черного моря. В 1906—8 гг. из всего хлеба, который Россия вывозила за границу, только 11% шло через порты Балтийского моря и 89% шло через порты Черного моря. Вы видите, какое огромное значение для русского хлебного вывоза имело Черное море и проливы, соединяющие его со Средиземным. Эти цифры я привел, чтобы вам нагляднее было, какое значение торгово-капиталистическое имели эти проливы и борьба за проливы.

Теперь я возвращусь к тому, с чего я начал—что появление России на Дальнем Востоке и, прежде всего, постройка Сибирской ж. д. Александром III в конце 80-х годов было эпизодом борьбы России и Англии. Если Россия в то время была еще в торгово-капиталистическом периоде,—хотя в ней уже был развит промышленный капитализм, но стержнем, которым определялась внешняя политика, был торговый капитал,—то в это время Западная Европа вступила в империалистский период, и интересы русского торгового капитала вклинились в систему империалистских антагонизмов, империалистских стремлений Западной Европы. И как только Россия появилась на берегах Тихого океана, это сейчас же заметил главный империалистский враг Англии,—это заметила Германия. Вот в какой обстановке правильны слова Ленина, что русско-японская война была империалистической войной. Для России она не была империа-

листической войной, потому что Россия только после 1906 г., т.-е. после русско-японской войны, вступила в полосу империализма, но так как русско-японская война попала на фон англо-германских столкновений, так как, можно сказать, она была передовой стычкой между Англией и Германией, прологом империалистской войны 1914 г., то в этом смысле это была империалистская война. Позвольте вам иллюстрировать это более детально фактами. В руках у меня переписка Вильгельма II с Николаем II,—один из ценнейших документов по истории русской внешней политики. И вот что писал Вильгельм Николаю II меньше чем через год после вступления на престол Николая II, в 1896 году.

Позвольте, однако, сначала немного издалека подойти к этому 1895 г., потому что Вильгельм начинает с намека на одно событие, о котором вы, вероятно, не знаете. В конце 1880 г. русский царь начал строить железную дорогу через Сибирь на берега Тихого океана. Это предприятие, само по себе понятное и простое, стало осложняться различного рода подробностями. Во-первых, выяснилось, что Владивосток—база не совсем удобная для русской крейсерской эскадры, потому что климат там чрезвычайно суровый. Хотя Владивосток находится на одной параллели с Батумом—и кто из вас бывал в Батуме, тот знает, какая там температура,—но климат во Владивостоке московский: средняя температура января там такая же, что в Москве—12°. Благодаря этому, гавань Владивостока четыре месяца в году заперта льдом. Значит, в течении только 8 месяцев Владивосток годится, а в течении 4 месяцев никуда не годится. Это первый минус. Второй минус заключался в том, что если вы возьмете карту тогдашней России на Дальнем Востоке (она и теперь годится, потому что граница почти та же), то вы увидите, что граница Китая выгибается к северу, и если строить железную дорогу к Владивостоку по русской территории, то ее придется строить дугой вдоль реки Амура. Во-первых, там условия стройки чрезвычайно трудные, это одна из труднейших железных дорог в мире. А во-вторых, получается лишних 2 тысячи километров, по сравнению с прямым направлением. Но это прямое направление идет через китайскую область, через Манчжурию. Это та Восточно Китайская жел. дор., о которой вы много читали в последнее время в газетах. Это направление укорачивает на 2 тыс. километров и облегчает самую построй-

ку железной дороги, потому что через Манчжурию строить очень легко.

Значит, построение военно-морской базы на берегах Тихого океана поставило две другие задачи: во-первых, как добиться прямого пути, когда на дороге Манчжурия, китайская территория; а с другой стороны, как добиться такого порта, который был бы открытым в течении круглого года, а не в течении 8 месяцев? Одно условие тянуло за собой другое. И вот русское правительство стало искать удобных случаев для того, чтобы разрешить обе эти задачи.

Удобный случай скоро представился. В 1894 г. разразилась война Японии с Китаем. Китай был вдребезги разбит, японские войска заняли будущий Порт-Артур, юг Манчжурии, японцы стояли на дороге к Пекину, Китай стоял на коленях, искал всюду помощи и, конечно, помощь ему подал великодушный русский царь. Это великодушие русский царь всегда показывал. Вся борьба за проливы пропитана этим великодушием русского царя. Так, например, в 30-х годах XIX века Николай I явился великодушно защищать турецкого султана от восставшего на него египетского паши. Турки испугались «помощи» Николая I больше всех пашей в мире, обратились к англичанам и французам, а те русских, буквально выражаясь, прогнали без войны,—просто дипломатическим нажимом заставили уйти. В 1877 году, я вам рассказывал, Александр II захотел завоевать Константинополь. Но разве так было дело официально? По официальной версии восстали наши единокровные, единоверные братья-славяне и мы их выручать пошли; это злые люди выдумали, что за Константинополь шла война. Опять великодушный жест. И такой же великодушный жест мы имеем и в 1895 г. Русский император поднял грозную руку и сказал японцам: «Стой! Не смейте»! И японцы ушли. Надо иметь в виду, что тогда японская военная мощь была только в самом начале; японский флот был в полтора раза слабее русского на Тихом океане. При таких условиях японцы не решились воевать и очистили занятую ими китайскую территорию. Китай за это должен был заплатить большую военную контрибуцию, которую опять великодушно предложил достать русский царь. Он был свой человек во всех парижских банках, всюду его охотно принимали и заем в 500 миллионов был сделан. Китайцы, зная великодушие русского царя, с трепетом ждали: спас,—что же

дальше будет? А дальше вот было что. В 1896 г. Николай II короновался, что было, как вам известно, ознаменовано ходынскими происшествиями. Ходынские происшествия стали хорошо известны всему миру, а в это время без особого грома и шума приехал в Россию китайский представитель Ли-Хун-Чанг и поместился на I-й Мещанской, в доме крупнейшего чаеторговца Перлова. Чрезвычайно характерно это совпадение: русско-китайской «дружбы» и крупнейшего представителя русского торгового капитала в Китае. С Ли-Хун-Чангом завязались переговоры о том, чтобы Китай за все благодеяния, оказанные русским царем, разрешил построить русскую железную дорогу по китайской территории на Дальнем Востоке. Ли-Хун-Чанг придал этому русскому проекту чрезвычайно странное толкование. Ему показалось, что тут есть какое-то покушение на китайскую землю. Он долго вертелся и высказывался против русской железной дороги, говорил, что китайцы сами ее построят. Но тут нетрудно было Ли-Хун-Чанга убедить, что для того, чтобы строить, деньги нужны, а вот вы и для контрибуции Японии деньги могли достать только через наше посредство. У вас денег нет. В силу этого китайцы должны были согласиться на предложение Николая II. Но тогда Ли-Хун-Чанг внес в договор о железной дороге статью, что постройка этой железной дороги не послужит захвату русскими Манчжурии и вообще—к нарушению прав китайцев на этой территории. Что это такое? При чем здесь захват Манчжурии? Но Ли-Хун-Чанг был очень умный, хитрый китаец и он еще оговорил, чтобы русские военные поезда, проходя через Манчжурию (дорога стратегическая, военная и ясно, что будут возить и пехоту и артиллерию и кавалерию), чтобы они останавливались в Манчжурии только для перемены паровоза, а не для каких-нибудь других надобностей, чтобы они быстрей-быстрей проходили. На все эти маленькие уступки русские пошли. Даже разрешили Китаю выкупить эту дорогу по истечении 39 лет, причем Витте предусмотрительно об'ясняет в докладной записке, что, конечно, Китай никогда ее не выкупит, потому что было поставлено условие, что при выкупе Китай обязуется уплатить не только стоимость постройки железной дороги, но и все убытки, которые эта дорога (стратегическая и никаких доходов от нее быть не может) принесет в течение этого времени. Это, говорит, такая операция при которой приобретение этой дороги будет явным вредом для

Китая и поэтому на этот вред Китай не пойдет, конечно. Им не удастся заплатить такую сумму, да и дохода они с этой дороги никогда не получат. А так как северная Манчжурия страна довольно пустынная, населения там мало и, кроме того, население «дикое»,—«дикость» его выражается в том, что они ни слова по-русски не понимает,—то явное дело, что нужно было принять меры предосторожности, и хотя русские военные поезда могли останавливаться в Манчжурии только для перемены паровозов, но вдоль всей железной дороги была поставлена постоянная охрана, которая состояла из нескольких десятков тысяч войск. Целые дивизии пехоты, артиллерии, кавалерии. Эти войска как будто бы и не служили русскому царю, а были на службе у общества по постройке этой дороги, а общество состояло при русско-китайском банке, банк был создан в свое время для развития русских торговых операций в Китае. Как вы легко догадаетесь, солдаты были в русской форме, офицеры были русские, все было русское; целый корпус русских войск был расположен вдоль этой дороги. После этого не могло быть спора о том, чья эта железная дорога и кто в действительности являлся хозяином северной Манчжурии.

Это была одна сторона дела. Я вам сказал, что минусом наших сообщений с Тихим океаном было это злосчастное замерзание гавани Владивостока. Тут, по всей вероятности, урок географии дали Николаю II японцы. Нужно рассеять легенду, что только свердловцы не знают географии. Старые царские министры географии тоже не знали, и урок географии дали нам, повидимому, японцы, ибо нигде в русских документах не слыхать о Порт-Артуре до того момента, когда японцы его заняли во время японско-китайской войны. А тут вот Порт-Артур вспоминают. Оказывается, что на юге Манчжурии есть прекрасная гавань, не замерзающая, очень хорошая, удобная гавань. Туда пришли японцы. После того, как русский царь показал им кулак, они оттуда ушли, но гавань осталась. На что она китайцам? Если у них какой флот и был, то японцы его уничтожили. Им никакой военной гавани не нужно. Японцев оттуда прогнали. Кто-то эту гавань должен занять и Николай II из этого урока географии вывел политический урок. Нам нужна незамерзающая гавань. Японцы показали, что есть такая незамерзающая гавань на юге Манчжурии—Порт-Артур. Нужно его занять, а железную дорогу свернуть на юг. Она уже через северную

Манчжурию идет. Построим ветку, которая идет на южную Манчжурию и затем в руках России будет незамерзающий порт на Тихом океане. А так как Китай уже удалось убедить разрешить руским построить через северную Манчжурию эту дорогу, значит удастся убедить построить дорогу и на юге Манчжурии. И опять на счастье или на несчастье Николая II,—как хотите,—но Китай испытал такой оглушительный удар, что в состоянии этого оглушения с ним все, что угодно, можно было сделать.

В 1897 году в гостях у Николая II был германский император Вильгельм II в Петергофе. Раз этот германский император, возвращаясь со смотра в коляске с Николаем II, небрежно сказал последнему: китайцы позволили уже твоему флоту заходить в гавань Киао-Чау, но я слышу, что твои корабли туда не заходят. Может быть, ты разрешишь туда моему флоту заходить? Николай II ответил, не подумавши: ну, что ж, пожалуй. У меня, кстати, имеется ввиду другая гавань для русского флота. И тут же сам себя, наверно, выругал за то, что проговорился, но уже ничего не поделаешь. Немедленно после того, как Вильгельм вернулся к себе домой—не в Германию, а еще в Петергофе—его канцлер прислал русскому министру иностранных дел заявление: так как его величество, император всероссийский, заявил, что гавань Киао-Чау ему не нужна и что он имеет ввиду какой то другой порт, который он предполагает занять, то и т. д. и т. д. Дело было сделано. Вильгельм ожидал соответствующей обстановки и дождался, что в Китае убили двух католических попов. Попы были католические, а сам Вильгельм протестант. В Европе они сильно между собою дрались, но на Дальнем Востоке совсем другое дело. В отместку за убийство попов Вильгельм решил занять Киао-Чау. Попов убили не жители Киао-Чау, а просто разбойники, но вышло так, что взяли жителей Киао-Чау и из китайцев превратили их в немцев. Словом, гавань Киао-Чау была занята немцами к величайшему удивлению китайского правительства. Ну, убили попов, так тогда суди виновников, предай смерти и т. д., но чтобы за убийство двух попов занимали гавань—это было для китайцев совершенно непонятное, совершенно неестественное дело. О сделке Вильгельма с Николаем китайцы ничего не знали. Пришел германский крейсер в Киао-Чау, высадил дессант и готово дело: китайская гавань стала германской гаванью.

И вот, когда китайцы находились в состоянии такого оглушения, тут к ним подошел Николай II со своими предложениями и говорит: вот еще у вас есть Порт-Артур. Может быть вы его нам в аренду отдадите? Китай говорит: зачем? Русские отвечали: мы же ваши союзники. Мы вам помогать хотим. Как же мы будем вам помогать, когда у нас нет ниодного незамерзающего порта? Как же мы будем вас защищать без этого? Отдайте Порт-Артур. Китайцы пришли в смятение и бросились жаловаться на своего благодетеля англичанам и японцам. Англичане и японцы их приободрили и заявили, что с Киао-Чау придется проститься, а на Порт-Артуре поупирайтесь, нельзя сразу отдавать. Тогда Николай пустил в ход такую тактику: в Пекин был переведен 1 миллион рублей и было предписано войти в переговоры с двумя главными китайскими министрами: с Ли-Хун-Чангом и Джан-Ин-Хуаном. Ли-Хун-Чанг качал головой и говорил: дело трудное.Но так как из миллиона на его долю приходилось пятьсот тысяч, то он постарался—произнес блестящую речь в совете министров и кое-как «убедил» их. С другим мандарином вышло хуже, он попался в этом деле, и имеется телеграмма, что только-только ему собирались передать пятьсот тысяч рублей, как его арестовали. Для русской казны на этом получилась огромная экономия: вместо пятисот тысяч ему дали всего 15 тысяч; дали, чтобы показать китайским чиновникам, что они и в случае несчастья не будут оставлены русским царем.

Таким путем добились арендного договора на Порт-Артур. Порт-Артур из китайской крепости, побывав на короткое время японской крепостью, превратился в русскую крепость. Туда пришла русская эскадра, высадились русские войска и чтобы убедить окончательно, что Порт-Артур «взят в аренду», китайский флаг был торжественно спущен, а русский флаг был торжественно поднят. Русские военные власти, которые явились в Порт-Артур, стали затем прекрасно собирать подати с китайцев, которые жили около Порт-Артура. Словом, «аренда» была полная.

Вот каким образом «естественным» путем развертывалось постепенно русское наступательное движение на Дальний Восток. Это наступательное движение уперлось не только географически в Порт-Артур, но и политически уперлось в сеть тех политических противоречий, которые тогда складывались. Борьба между Германией и Англией уже началась в то время'—борьба

дипломатическая. Обе стороны стремились друг друга окружить; это окружение очень интересно и проскальзывает в той переписке Вильгельма и Николая, отрывок из которой я хотел вам прочесть. После того, как русский царь показал кулак Японии и японцы должны были очистить Порт-Артур, Вильгельм писал Николаю:

«Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; если Россия занялась этим гигантским делом, то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно, и тебе не грозила бы опасность с тылу; и, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе в то время, как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом».

Это очень важный текст. Это было написано в 1895 году. Вы видите, что Вильгельм II гарантировал Николаю II тыл с запада: не бойся, мы на тебя не нападем. Почему Вильгельм эту гарантию давал?—Потому что для него Англия была в это время гораздо более опасным врагом, нежели Россия. Он прекрасно понимал связь вещей, прекрасно понимал, что Порт-Артур, по существу дела, направлен против англичан, в первую голову, и желал, чтобы Россия, которую он собирался сделать своей подопечной сиротой, там распоряжалась. Эта связь между занятием Порт-Артура и русско-английским конфликтом проглядывает очень хорошо в одном националистически-черносотенном анекдоте по этому поводу. Этот анекдот гласит, что через несколько часов после того, как эскадра адмирала Дубасова (того самого Дубасова, что так хорошо вам известен по 1905 г.) стала на якорь у Порт-Артура, с открытого моря показался английский крейсер. Он подошел, увидел, что стоят русские корабли, повернулся и ушел обратно в море. Смысл этой басни тот, что если бы Дубасов опоздал хоть на несколько часов, то англичане заняли бы Порт-Артур за свой счет. Я думаю, что это легенда, и что английский крейсер приходил только с ре-

когносцировочной целью; но так или иначе, в этом анекдоте ярко отразился смысл этих действий. Порт-Артур был новым Севастополем, который должен был специально служить орудием наступления против тех же морских держав, в данном случае против Англии. Вот в чем был смысл занятия Порт-Артура, и вот почему Вильгельм так решительно стал в этом случае на сторону России, обещался ей гарантировать тыл и т. д.

Что касается Японии, то на нее в это время сравнительно мало обращали внимания. Она так легко сдалась в 1895 году, так легко испугалась поднятого царского кулака, что с ней считались, как с величиной маленькой и старались ее приручить мелкими подарками. После занятия Порт-Артура Японии уступили кое-какие права и преимущества в Корее, что показывает, что в это время Корея не особенно интересовала Николая II и его правительство, иначе он ни под каким видом не уступил бы Японии ее в 1898 году. Таким образом, главным врагом продолжали и тут оставаться англичане. Это необходимо не упускать из виду, потому что это связывает дальневосточную авантюру с общей политикой Романовых в XIX в.

Но тут вклинивается один эпизод, чрезвычайно характерный и который долгое время в глазах историков закрывал настоящую связь, в которой возникла русско-японская война. Это была авантюра в авантюре, это была уже авантюра № 2, личная авантюра Николая II. Это была знаменитая история с концессиями в Корее. Я в своем сжатом очерке довольно обстоятельно излагаю внешнюю обстановку, в которой появилась в мозгу Николая II мысль об этих концессиях. Предполагалось, что Корея обладает огромными минеральными богатствами, что там есть залежи не только каменного угля и железа, и пр., но огромные золотые россыпи и что эти богатства можно арендовать у корейцев на тех же основаниях, на каких был арендован Порт-Артур у китайцев. С этой целью был отправлен в Корею некий тайный советник Непорожнев, который вступил в переговоры с корейским императором. Корейский император был самым несчастным существом в мире в те времена, ибо одно время он был между двумя штыками: японским и китайским, а когда эта опасность миновала, явились русские благодетели, которые спасали не только Китай, но и Корею, при чем русские действовали так, что они вызвали всеобщее возмущение против корейского императора, и этот несчастный корейский

император должен был постыдно бежать из своего дворца в русское посольство, где и жил все время, уже этим фактом выражая крайнюю свою зависимость от России. Поэтому русские этого императора просто переуступили японцам. И несмотря на то, что этот корейский император находился в величайшем угнетении, все-таки с Непорожневым он говорил очень осторожно и не согласился подписать концессию на эксплоатацию «недр» его империи, а дал только неопределенное обещание притти в русское посольство, переговорить о концессиях.

У Николая, таким образом, оказался еще на Дальнем Востоке, кроме интереса обще-царского, еще интерес личный или, если хотите, семейный, потому что он, как любящий семью человек, больше хлопотал о жене, детях, племянниках, нежели о себе. У него денег было достаточно, но семью нужно было обеспечить: для этого и понадобились эти концессии. Так как официально Корея была только что уступлена Японии, т.-е. японцы могли там устраивать всякие предприятия и т. д., то официальное русское министерство иностранных дел и русское министерство финансов, строившие железную дорогу в Манчжурии, вмешиваться в это дело не могли, да и не хотели. Они считали, что это дело крайне опасное и ненужное. И тут начинается своеобразная диалектика, т.-е. расщепление на две части внутри русского правительства. Появляются два правительства на Дальнем Востоке: с одной стороны, официальное правительство, министерство иностранных дел и министерство финансов и, с другой стороны, Николай II и его агенты—сначала полковник Вонлярлярский, затем Безобразов, Непорожнев и т. д. Целая система, целое новое министерство иностранных дел, которое ведет свою политику. Смысл этой политики заключался в том, чтобы приобрести минеральные богатства Кореи и вообще захватить себе возможно больше реальных ценностей как в Корее, так и в южной Манчжурии. Постепенно пришлось для согласования действий этих двух правительств устроить особое согласительное учреждение, особую согласительную комиссию под названием дальневосточного комитета, где сидели: Безобразов—частный министр иностранных дел Николая и Ламсдорф—официальный министр иностранных дел русской империи; и этот комитет вершил все дела.

В этой связи приходится понимать дальнейшее развитие событий. С точки зрения интересов русского торгового капитала,

было совершенно достаточно тех успехов, какие были достигнуты Николаем II, т.-е. захвата Порт-Артура. Далее оставалось превратить Порт-Артур в сильнейшую военно-морскую базу. Это был бы кулак, занесенный над дальневосточным противником в лице Англии. Словом, это было бы крупнейшее орудие в борьбе за проливы в Европе. Но этот осложняющий момент, тяга Николая к миллионным богатствам Кореи, стремление захватить в свои руки то, что плохо лежит, создание своего личного министра иностранных дел, явились, как выражаются по научному, «возмущающим фактором». Официальная Россия, в лице Витте и его орудия—Ламсдорфа, страшно бесилась от этого возмущающего фактора, но ничего не могла поделать, потому что личные или, точнее, семейные, династические интересы Николая II толкали его в этом направлении.

В чем заключалась суть той перемены, которая здесь произошла? Раньше был интересен север Манчжурии для проведения дороги к Владивостоку, затем—Порт-Артур и район, который ведет к нему. Но нужно ли было нам захватывать южную Манчжурию, а тем паче Корею для этих целей?—Пока не нужно. Если эта надобность могла представиться, то только в более или менее отдаленном будущем, а Безобразов, частный министр Николая II, сидел в южной Манчжурии и смотрел на Корею, а всем остальным интересовался очень мало. Что нужно было, чтобы русские могли спокойно распоряжаться в Порт-Артуре?—Мирные, налаженные отношения с китайским населением. В этом мы убедились на собственном примере вчера. Очень неприятно входить в соглашательские отношения с такими господами, как Чжан-Дзо-Лин, но нужно поддерживать более или менее дружественные мирные отношения с окружающим населением и с китайской властью. Витте и стремился к тому, чтобы наладить отношения. Но Безобразов стоял на другой точке зрения. Ему нужны были, как он выражался в письме к Николаю II, существенные ценности; а для того, чтобы эти существенные ценности добыть, нужно было попросту грабить. Тут складывается любопытнейший союз и его надо подчеркнуть, ибо он чрезвычайно характерен для личной линии Николая II, это союз Безобразова с хунхузами.

Хунхузы—это китайские бандиты. Безобразов увидел, что в Манчжурии имеются две силы: китайская администрация и банды этих хунхузов, и он решил, что эти банды хунхузов—

это есть своеобразная оппозиция и на эту оппозицию он решил опереться против китайской администрации. Что из этого получилось, вы без труда догадаетесь. Представитель русского правительства в крае оказывается почти открытым союзником бандитов. Это, разумеется, должно было сразу же радикальным образом испортить отношения русского правительства с китайской администрацией в тех местах и вообще создать чрезвычайную смуту на месте, потому что, опираясь на бандитов, идя рука об руку с бандитами, нельзя было не обострить до крайности отношения к местному населению, к местной китайской администрации в частности.

Таким образом, атмосфера становилась все более и более горячей. Как скоро привела бы к войне первая авантюра—сказать трудно. Конечно, привела бы. Она привела бы к войне хотя бы в силу переплета русских интересов и интересов германского империализма. Это столкновение рано или поздно произошло бы, но оно было страшно ускорено всей этой серией чисто личных моментов, которые были сюда внесены Николаем II и его личным министром Безобразовым. Затем, они, прежде всего, географически перенесли центр тяжести на южную Манчжурию и Корею. Этим они очень обеспокоили Японию; однако, сама по себе одна Япония, вероятно, не решилась бы ответить войной. Но вот в чем заключался просчет Николая II. Он позабыл в этой своей личной политике исходную точку своего движения—борьбу с Англией, т.-е. прежде всего он позабыл, что он имеет и на Дальнем Востоке Англию в качестве главного врага. В 1902 году был заключен англо-японский союз, который был грозным предзнаменованием. Ясно было, что в случае столкновения придется иметь дело не только с Японией, но и с англичанами, но отступать назад было трудно.

Манчжурия только что в 1900 г. была занята русскими войсками,—под предлогом «восстания» т. наз. «боксеров», но, в сущности,—в результате настоящей, хотя и очень легкой для России, войны с Китаем. Но англо-японский союз был сам по себе еще не так страшен. За этими 2-мя силами на Дальнем Востоке против России выдвигалась третья сила, о существовании которой Николай догадался буквально накануне катастрофы. Он говорил об этой силе за несколько дней до войны. Дело в том, что захват Россией южной Манчжурии, который можно было рассматривать, как начало захвата Китая, вызвал

на сцену силу, которая до сих пор в этих делах не участвовала — Соединенные Штаты. Американцы домогались всюду открытых дверей. Николай, захватив южную Манчжурию, посадил в Инкоусской таможне русских чиновников, и американские товары не могли проникать в южную Манчжурию. Одновременно с этим Россия не позволила осуществлять на деле, заключенный американским правительством с китайским, договор о так называемых американских «сетлементах», поселениях в южной Манчжурии. Все это вместе взятое для американцев, людей достаточно дальновидных, служило явным признаком, что Россия хочет запереть Манчжурию для Америки. А за Манчжурией пойдет северный Китай, а за северным Китаем и весь Китай. Американцы—народ предусмотрительный: и президент Рузвельт стал, фактически, во главе коалиции, которая составилась из Англии, Японии и Соединенных Штатов. Соединенные Штаты помогают строить японский флот, который побил русских при Цусиме, а главное—дают Японии денег на войну. В последние дни перед об'явлением войны между Токио и Вашингтоном шла ежечасная телеграфная переписка. Америка фактически держала в своих руках все русско-японские переговоры, и президент Рузвельт в частных письмах признавался, что самым неприятным было бы для него, если бы Россия помирилась с Японией.

Вы видите, что перенесение центра тяжести с севера Манчжурии и Порт-Артура в южную Манчжурию и Корею, которая, с точки зрения основных интересов русского торгового капитализма, вовсе еще не была нужна, было самой опасной из всех возможных авантюр, потому что она сталкивала нас с Соединенными Штатами, которые, попросту говоря, и помогли Японии вышибить русских из Манчжурии. Этого противника мы навязали себе на шею совершенно зря, ибо можно было великолепнейшим образом американцев не трогать и открыть Манчжурию для американских товаров, потому что русские товары туда посылались в самом незначительном числе, и товары туда больше попадали немецкие.

Вот каким образом, товарищи, с продвижением на Дальний Восток интересы русского торгового капитала втянули нас в переплет империалистских связей и интересов, противоречивых взаимоотношений целого ряда стран, которые потом столкнулись в империалистической войне. Тут все они налицо: Германия, Англия, Япония, Соединенные Штаты—силы, которые

будут бороться с 1914 до 1918 года; они уже сталкиваются на Дальнем Востоке, но выступают прикрыто и за кулисами. И это последнее обстоятельство создавало у Николая II радужные иллюзии. Что такое Япония?—Такая ничтожная держава, которой показали кулак в 1895 году—и она спряталась. «Новое Время» писало, как вы знаете, что для Японии об'явление войны России равносильно самоубийству. Плеве говорил: «Россия решала все вопросы внешней политики всегда не дипломатическими нотами, а штыками» и чего тут бояться японцев? Куропаткин составил план кампании, который кончался гордыми словами: «пленение микадо». А что за японцами стоит такая сила, как Соединенные Штаты, стоит прикровенно, не говоря уже об открыто стоявшей за ними Англии, об этом не знали или позабыли; а благодаря помощи этих двух сил Япония в 1905 году оказалась совсем не тем, чем она была в 1895 году. В 1895 г. японский флот был в полтора раза слабее русского, а в 1905 году он оказался сильнее. В 1895 г. у Японии была армия в 80 тысяч человек, а в 1904 армия в 1 миллион штыков. Чем это дело кончилось, вы знаете.

Таким образом, в чем, собственно, заключается главная и основная ошибка Николая II?—В том, дорогие товарищи, что он ни в малейшей степени не был диалектиком. Он не понимал, что нельзя к Японии 1904 года подходить так, как в 1895 году, он не умел конкретизировать положение каждого определенного исторического периода, он был типичнейший метафизик, и от этого он и погиб.

Вот в очень сжатом виде характеристика японской войны. Я пропускаю массу моментов, чтобы сжать это на протяжении одного часа. Я пропускаю все боксерское восстание. Вы отчасти найдете это в сжатом очерке.

Русско-японская война была, таким образом, поражением, нанесенным России не только Японией, но также Англией и Соединенными Штатами. Смысл русского разгрома под Мукденом и Цусимой в том и заключался, что из двух комбинаций будущей империалистической войны, куда могла пойти Россия, комбинаций германской и английской, под Цусимой и Мукденом, решительно победила английская комбинация, и с 1907 года Россия из союзницы Германии категорически становится союзницей Англии. Вот в чем заключался мировой смысл японской войны.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Основную линию внешней политики царской России давал торговый капитал, который имел своего агента в лице помещика. Помещик стоял у власти. Вся система самодержавия—это было государство помещиков, и в результате через помещиков торговый капитал давил на всю политику самодержавия—внутреннюю и внешнюю. Значит, интересами торгового капитала определялась эта политика вообще. Об этом нам придется еще говорить сегодня. Но, товарищи, совершенно не диалектическим, чисто метафизическим пониманием этого утверждения было бы говорить: а, значит, промышленный капитализм, который развивался в России в конце XIX века, никакого влияния не имел? —Конечно, это неверно. Торговый капитализм и его интересы определяли основную линию русской внешней политики. Если мы вынем торговый капитал, его интересы, мы ничего не поймем. Но это не значит, чтобы за торговым капиталом, петушком-петушком, не бежал и промышленный, и чтобы промышленный капитал вовсе не был заинтересован в тех предприятиях внешне-политического характера, которые выдвигались торговым капиталом в его интересах. Возьмите дальневосточную авантюру. Я все время ее изображал так, что это была своеобразная форма русско-английского конфликта, борьбы между Россией и Англией. Основным об'ектом этой борьбы были проливы—Босфор и Дарданеллы. Дальше я приведу цифры и вы увидите, какое значение для русской торговли имели Босфор и Дарданеллы, какое значение они имели для той торговли, которая составляла стержень самого русского торгового капитализма, для хлебного экспорта и, значит, для помещиков и их интересов и т. д. Это было основное. Но, скажем, для того, чтобы этот конфликт с Англией, перенеся его на Дальний Восток, разрешить благополучно для себя, русский торговый капитал что должен был сделать?—Строить сибирскую железную

дорогу. Что, постройка сибирской дороги интересовала сколько нибудь промышленный капитал?—Конечно. Из моего «Сжатого очерка» вы знаете, что южно-русские металлургические заводы главным образом производили рельсы, что они на постройке сибирской железной дороги развивались, и что, как только кончилась постройка сибирской железной дороги, страшно обострился кризис в области металлургии. Я об этом прошлый раз ничего не говорил, ибо я имею слабость предполагать, что моим уважаемым слушателям мой «Сжатый очерк» знаком, что они его читали; там все это есть и все это об'яснено. Таким образом, вот вам одна связь между интересами торгового и промышленного капитала. Далее, постройка флота, который пошел ко дну под Цусимой, в этом был заинтересован промышленный капитал?—Конечно был заинтересован; поэтому изображать дело так: а, у вас только один торговый капитал, а где промышленный?—нельзя. Вот он где. В то же время, когда нам говорят, что наша политика на Дальнем Востоке в первую голову преследовала цели захвата Китая, как рынка для русской мануфактуры, то это уже оказывается неверным, или, в лучшем случае, страшно преувеличенным. В известной степени и тут, конечно, было кое-что. Не даром одновременно с тем, как строили Порт-Артур для того, чтобы занести кулак над англичанами, строили и Дальний—порт для будущего вывоза товаров в Китай и на Дальний Восток. Но это была настолько отдаленная перспектива для самого строителя Дальнего —Витте, что об этом говорить не приходится. Что вывозили в первую голову?—В первую голову вывозили только керосин, а не мануфактуру. И даже в то время, когда Манчжурия была занята русскими войсками, туда шла мануфактура преимущественно японская и английская, а не русская. Китайский рынок имел для русской текстильной промышленности в три раза меньшее значение, чем персидский рынок; а нельзя сказать, что персидский рынок—это пуп земли, и чтобы около него вращалась вся внешняя политика царской России. Русский ввоз в Китай был в три раза меньше вывоза Китая в Россию, причем Китай ввозил в Россию не только чай, но и чесучу, которая в образе чесучевого пиджака сделалась для русской интеллигенции чем то вроде национального костюма в летнее время.

Таким образом, вы видите, что эта сторона дела,—захват Китая, как рынка для русской мануфактуры,—это было

самой отдаленной возможностью, и, конечно, из-за этого одного никакой войны не было бы. Никто бы из-за таких ничтожных интересов не сдвинул бы ни одной русской батареи, ни одного русского полка на Дальний Восток. Раз Персию, которая в три раза большее значение имела для промышленности, не пытались завоевать, тем паче нельзя этим об'яснить завоевание Манчжурии и войну с Японией.

Но тут, товарищи, я перехожу к тому, что составляет новое. То, что до сих пор говорилось, это вещь весьма известная; материал об этом можно найти и у меня, и в иной литературе, но то, что я скажу сейчас, это нужно подчеркнуть, как нечто новое.

Дело в том, что русско-японскую войну нельзя вывести только из национальных интересов России и Японии. Эти национальные интересы отлично могли бы размежеваться на Дальнем Востоке мирно, без войны. После 1905 года, после Портсмутского мира Россия заключила, как теперь выяснилось, 4 конвенции с Японией о разделе сфер влияния в Манчжурии и Монголии в 1907, 1910, 1912 и 1916 годах. Могли же мирно размежеваться. А почему же раньше было нельзя?—Точно также можно было бы. И, несомненно, если бы на сцене были только Россия, с одной стороны, и только Япония, с другой стороны, то тоже до войны не дошло бы. Не взирая на все интересы торгового капитала и т. д.; все эти интересы были не в такой степени обострены, чтобы толкать на войну.

Когда Ленин говорил, что русско-японская война была империалистической войной, то это не следует понимать так, что Россия 1904 года была уже страной монополитического капитализма, подобно Англии или Германии—такой Россия не стала в п о л н е даже к 1914 году. Ленин был прав в том смысле, что русско-японскую войну нельзя выводить из национальных интересов России и Японии. Это был конфликт гораздо более широкий. Что, не только дало Николаю смелость начать войну, на Дальнем Востоке, но что физически сделало возможной для него эту войну? Что дало ему эту возможность?—То, что он мог совершенно оголить свой западный фронт. Мы знаем из записок Сухомлинова, что западный фронт был буквально голый, и что Вильгельм имел основания попрекать потом Николая своей лойяльностью, что, дескать, он, Вильгельм, имел возможность в любую минуту занять и Польшу и Прибалтийские губернии, но,

будучи весьма честен и добросовестен, этого не сделал. Если бы Николай не чувствовал себя прикрытым с тылу Германией, он никогда не решился бы на японскую войну.

Другими словами, в основе русско-японской войны с русской стороны лежит, не оформленный, правда, в первое время письменно, русско-германский союз. На Дальнем Востоке Россия представляла интересы не только свои, но и в гораздо большей степени интересы германского империализма, а Япония на Дальнем Востоке представляла в гораздо большей степени, чем свои национальные интересы, интересы английского и американского империализма. Русско-японская война была форпостной стычкой, передовым авангардным боем империалистической войны 1914 года. Вот в чем ее значение и вот почему она должна быть названа империалистической войной. Ее из национальных мотивов исключительно об'яснить нельзя ни торгово-капиталистических, ни промышленно-капиталистических. Поскольку мы ограничены сферой национальных интересов одной стороны и другой стороны,—мы ее не поймем. Мы ее поймем только тогда, когда перед нами развернется система империалистических противоречий, уже тогда охвативших весь мир. В этом смысле Ленин был совершенно прав, когда говорил, что русско-японская война была империалистической войной.

Разгром России на Дальнем Востоке означал разрыв последнего русско-германского союза, какой вообще существовал на земном шаре, и крутую перемену ориентации русской внешней политики: поворот от союза с Германией к союзу с ее противницей—Англией. Вот каков был политический вывод в плоскости международных отношений из японской войны и русского разгрома в Манчжурии. Вильгельм это чувствовал, и недаром в самую последнюю минуту перед заключением Портсмутского мира он отчаянно ухватился за Николая и (летом 1905 г.) в Биорке буквально изнасиловал его, заставив подписать русско-германский договор, направленный прямо против Англии и косвенно против Франции. Но Николай этого договора никогда не исполнял, и сам Вильгельм понял, что требовать исполнения этого договора—совершенная бессмыслица. Как Николай мог бороться с Англией? Его флот был на дне моря. Но еще труднее было положение с Францией. Николай был разорен очень сильно этой войной; разорен, можно сказать, влоск; денег не было. Витте был накануне того, чтобы прекратить размен,

то-есть об'явить государственное банкротство. Во время империалистической войны, будучи в союзе с богатейшими странами Западной Европы, Англией и Францией, можно было прекратить размен, но что значило прекратить размен в разгар русской революции, имея Англию и Францию против себя? Что значило бы, когда вдруг вся эта масса мелких сберегателей, мещан, зажиточных крестьян увидела бы, что у них вместо настоящих золотых и серебряных денег—бумажки, которые стоят половину или четверть их цены?—Это была бы катастрофа всего романовского режима, и Николай был на вершок от этого. Мог его из этой беды выручить Вильгельм?—Очевидно, нет. Германская промышленность росла так бурно, что у Германии не было лишних денег, которыми можно было бы снабдить Россию. Реализовать заем в два миллиарда франков можно было только на парижской бирже, а парижская биржа говорила, в лице французского премьера Рувье: пока не заключите мира с Японией (т.-е. пока не разорвете с Германией—это одно и тоже)—ни сантима. Такое заявление сделал Рувье Витте, когда последний ехал в Портсмут на переговоры.

Итак, совершенно ясно, что Биоркский договор Николай исполнить просто физически не мог и этот договор остался мертвой буквой. Русско-германский союз существовал между концом XIX и началом XX века, а в 1907 году был заключен русско-английский договор по вопросам, внешним образом, размежевания в Персии и в Афганистане: северная часть Персии предоставлена была, как сфера влияния, России, южная—Англии, а середина была об'явлена нейтральной,—но, по существу, это было размежевание с Англией по всем азиатским делам, потому что одновременно было заключено соглашение с Японией по поводу Манчжурии, о котором я говорил. В то же время, в порядке частных разговоров, английский посол говорил русскому министру иностранных дел Извольскому, что, если Россия поставит вопрос о своих интересах в проливах—в Дарданеллах и в Босфоре,—то Англия не будет против этого. Таким образом, неофициально был поставлен тот вопрос, из-за которого Россия ввязалась в войну 1914 г.

Повторяю, фактически русско-английский договор 1907 г. был соглашением по всем азиатским делам. Азиатский спор между Россией и Англией был ликвидирован. Против кого он был ликвидирован? А вот на этот вопрос дает ответ один

интересный документ, который я несколько раз цитировал и который полезно напомнить, документ, совершенно неожиданный для внешней политики. Этим документом был допрос, который производили частью эсеры, частью большевики, в том числе К. А. Попов, адмирала Колчака в Иркутске, в январе месяце 1920 г. Вот что говорил, между прочим, там Колчак:

«Еще в 1907 году мы пришли к определенному выводу» (обратите внимание на дату: 1907 год—год русско-английского размежевания и окончательного разрыва отношений с Германией) «о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д., совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 г. указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос: мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; мы знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать».

«После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии» (это решено было, конечно, не штабами, а теми комбинациями, о которых я говорил), «что союза с Германией заключать будет нельзя, и что эта война должна будет решить, в конце-концов, вопрос о славянстве: быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет против союза срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода. Да и то немцы сами признают, что они начали ее на полгода раньше, чем предполагали».

Это голый вздор, вы увидите из дальнейшего, что не «немцы начали войну раньше», а их противники спровоцировали их на войну раньше, чем Германия была готова: в сущности, и Колчак почти прямо в этом признается.

«Таким образом, в связи с общим политическим положением, была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 г. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Государственной Думой, которая принимала в этом деле большое участие. В этот период 1906—1907 гг. различные политические группы, политические организации—все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте, и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной (!), и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому времени относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Государственной Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях, которые касались флота».

Когда Колчак говорит о Государственной Думе, как особенно заинтересованной во всех военных приготовлениях, то вы догадываетесь, что он имеет в виду не социал-демократическую фракцию Государственной Думы, а некоторые другие группировки. Та же самая окраска происходит и везде. Никогда не было столь наглого человека, который мог бы сказать прямо: я с 1907 года начал готовить нападение на Германию. До такой наглости дошел только Сухомлинов, который в своих записках, вышедших за границей, пишет, вспоминая свой разговор с Жоффром: «Нашей задачей было во чтобы то ни стало раздавить Германию, а момент для этого должны были указать дипломаты». Сухомлинов писал после войны и революции, а Колчак еще придерживался обывательски-оборонческой фразеологии. Но он говорит, что была возможность выбора: мы могли стать на сторону противников Германии и на сторону Германии. И выбрали Англию. Почему выбрали Англию—я это об'яснил.

Соглашение с Англией в 1907 году было, таким образом, исходной точкой подготовки войны 1914 г. и участия в ней России. Вот в какую связь приходится ставить русско-японскую войну. Это не было каким то оторванным эпизодом, который имел значение только для интересов одной, двух стран. С этой точкой зрения по отношению к русско-японской войне

надо покончить. Она была связана с развертыванием всей сети империалистических противоречий, которые вели к войне 1914 года.

Теперь мне остается дать некоторое представление,—и этим я закончу первый час,—о том, какие же конфликты конкретно создали эту империалистическую войну. В чем тут конкретно были противоречия? Я сказал: система империалистических противоречий. В чем же состояла эта система? Тут приходится выделить три конфликта. В основе лежал конфликт англо-германский; затем следующий за ним по значительности был конфликт германо-французский и, наконец, самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий из-за проливов, но так как за спиной Турции стояла Германия, то, в конце-концов, фактически этот конфликт связывался с русско-германским конфликтом.

Вкратце об этих конфликтах надо сказать, тем более, что их не всегда правильно понимают.

Германско-английский конфликт долгое время перед войной об'ясняли, как конфликт двух промышленных капитализмов—английского и германского, которым будто бы было тесно на мировом рынке. Поскольку ясно было, что английский экспорт усиливается очень быстро бок-о-бок с германским экспортом, люди, которые так смотрели, логически должны были притти к выводу, что конфликт вовсе не такой острый, как это кажется, и один из наших авторитетных марксистских писателей выпустил в 1912 г. книжку под заглавием «Невозможная война». Невозможная война, война, которая ему казалась невозможной в 1912 г., это была война Англии и Германии. Исходя из того факта, что оба эти промышленные колосса пока что находят себе место единовременно на мировом рынке, что рынок этот вовсе не до такой степени узок, чтобы за него драться, писатели этого лагеря полагали, что война между ними невозможна. Откуда же эти упорные слухи о войне? Это просто реклама военных промышленников и больше ничего. Для того, чтобы строить броненосцы, пушки и пр. и продавать их государствам, нужно поддерживать военную шумиху. Это была тенденция не только в нашей марксистской литературе, но и вообще в мировой литературе. Одновременно появилась книга Н. Энжеля «Великая иллюзия», где тоже доказывалось, что война между Англией и Германией невозможна. Упускался из

виду другой конфликт, гораздо более близкий и острый. Англичане—народ предусмотрительный. Конечно, если непосредственно сопоставить английскую продукцию и германскую продукцию, то они друг друга не подавляли; тут они могли размежеваться. Но была область конкуренции, где Англия совершенно определенно начинала чувствовать нажим Германии, и это была та область конкуренции, где Англия была особенно сильно заинтересована. Англия—владычица морей, и ничто так не затрагивает интересов Англии, ничто так ее не беспокоит, как соперничество в области морского транспорта, тем более, что в конечном счете обладание мировым рынком зависит от того, кто обладает океаном. Кто хозяин океана, тот, в конце-концов, имеет не экономическую, а политическую и военную возможность обладать мировым рынком,—а, это нужно твердо запомнить, ближайшей и непосредственной причиной всякого рода столкновений бывают, конечно, политические комбинации. Эти политические комбинации опираются на экономическую базу, но ближайшим образом определяют дела в политике эти политические комбинации, а не экономика. Эту старую точку зрения экономического материализма, которая пыталась из количества произведенных и вывезенных пудов сделать непосредственные политические выводы, нужно оставить. После империалистической войны и после русской революции она совершенно никуда не годится, потому что ни того, ни другого явления, с этой точки зрения, вывезенных пудов, не об'яснишь. Нужно почаще вспоминать слова Энгельса, что экономика определяет политику, но только в конечном счете.

Так вот, несмотря на то, что Германия и Англия могли еще между собою размежеваться экономически, рост германского флота и торгового, и военного,—одно с другим тесно связано,—представлял огромную угрозу для Англии в смысле ее монополии на океане. Эта океанская монополия Англии была сильно подорвана. Я приведу несколько цифр, которые это иллюстрируют.

Из всех 47 миллионов мирового тоннажа Англии принадлежало перед войной около 20 миллионов, Германии принадлежало 6 мил. Остальные 20 миллионов принадлежали остальному земному шару, причем ни одна из стран не располагала более чем 2½ миллионами тонн. Только одна Германия имела 6 миллионов тонн. Это,—если мы возьмем тоннаж, т.-е. вме-

стимость судов в грубом виде. Но надо иметь в виду, что сюда входят не только океанские суда, не только орудия мирового транспорта, а входит и всякий каботажный флот, и рыбачьи суда и пр. Наиболее крупной в этом списке является Норвегия с 2½ миллионами тонн. Там, большею частью, рыбачий и каботажный флот, который обслуживал бесконечные норвежские фиорды. Если же мы возьмем специально океанский флот, то увидим, что тут соперничество было еще более острым и еще менее благоприятным для Англии. Если возьмем количество пароходов и рост их с 1870 г. у Германии и Англии, то у Англии число пароходов увеличилось втрое, а вместимость их—в десять раз, а в Германии число пароходов увеличилось в 13 раз, а вместимость —в 28 раз. Вы видите, до какой степени германский флот рос быстрее, чем английский флот. А если мы возьмем пароходы-гиганты вместимостью более 12 тыс. тонн, то мы такие цифры получим: в 1910 году таких пароходов было во всем мире 80, из них 42 принадлежало Англии, 22—Германии и 16—всем остальным странам, вместе взятым. Таким образом, вы видите, что тут уже Германия догоняла Англию чрезвычайно близко, и вы поймете, какое настроение это должно было вызывать в английском обществе; поймете слова сэра Эдуарда Грея—английского министра иностранных дел—Сазонову, русскому министру иностранных дел, осенью 1912 г., когда Грей заявил, что, в случае войны Англии с Германией, употребит все усилия, чтобы раздавить германское морское могущество; поймете слова более грубые и прямые близнеца Николая II—Георга V (они похожи друг на друга, как близнецы): «Мы будем топить всякий германский торговый корабль, который попадется в наши руки». Так выражался Георг V в разговоре с Сазоновым. Вот что направляло ненависть этих прирожденных моряков, властителей морей, против неожиданно выросшей молодой морской державы, которая угрожала Англии. Вот главный конфликт между Англией и Германией, —борьба из-за океана.

Второй конфликт, ближайший по остроте, это германо-французский, в области металлургии. Тут надо иметь в виду, что французская металлургия росла чрезвычайно быстро в начале XX века. В 1890 году Франция добывала 26 миллионов тонн угля и выплавляла около 1,9 миллиона тонн чугуна. А 1913 году она добывала 40 миллионов тонн угля и выплавляла чугуна

5,2 миллиона тонн. Другими словами, выплавка чугуна увеличилась почти в 3 раза, а добыча угля не увеличилась даже в 2 раза. Значит, прежде всего французской металлургии нужен был уголь, и вы поймете, почему Германия по отношению к Франции обложена угольной данью, почему Германия обязана поставлять Франции ежегодно определенное количество угля. Потому что раньше дань шла в обратном направлении. В 1907 году Франция ввезла угля из-за границы на 70 миллионов франков, в 1912 г.—на 136 миллионов франков. Французская промышленность, французская металлургия была данницей германской угольной промышленности. Германская угольная промышленность держала за горло Францию и стесняла металлургическое развитие Франции. Так как для металлургии, кроме угля, нужна и руда, а руда тоже находилась, главным образом, в Лотарингии, которая была отнята немцами у французов в 1871 г., то вы догадаетесь, что получить обратно Лотарингию и Саарский угольный бассейн—это было священной обязанностью всякого французского патриота.

Наконец, третий конфликт—это конфликт русско-турецкий, по внешности, из-за проливов. Тут позвольте привести несколько цифр, которые иллюстрируют, как постепенно увеличивалось значение проливов для русской хлебной торговли. Если мы возьмем 1875—79 годы, то получим, что через балтийские порты вывозилось ежегодно 54% всего русского хлеба, а через черноморские—только 46%. Если возьмем 1900—1902 г., то увидим, что только 27% русского хлебного экспорта идет через балтийские порты, а 73% идет через черноморские порты. В 1907 году только 11% русского хлеба идет через балтийские порты, а 89% русского хлеба идет через Босфор и Дарданеллы. И вы догадываетесь, что по мере роста этих цифр, все более и более должна была расти у русского правительства, у русского торгового капитала, тенденция к тому, чтобы эти проливы заполучить в свои руки, тем более, что как раз в этот период, около 1911 года, русский капитал почувствовал на своем кармане, что значит, когда эти проливы находятся в чужих руках. С 1911 года идет целый ряд войн, в которых участвовала Турция: турецко-итальянская война в 1911 году, Балканская война в 1912 году и т. д. И вот какой это дало эффект. В то время как в последнем мирном году Россия вывезла хлеба на 735 миллионов рублей, в 1912 г., когда проливы

были уже частью заперты, благодаря войне, она вывезла только на 547 миллионов рублей. По вычислениям тогдашних русских финансистов на запертых Дарданеллах русская торговля ежемесячно теряла около 30 мил. рублей. 30 мил. рублей вываливались из кармана русского торгового, в то время облеченного в банковскую форму, капитала из-за того, что в проливах сидели «неверные» турки и что эти «неверные» турки для того, чтобы защитить Константинополь от нападения то итальянцев, то еще кого-либо, заграждали проливы минами и проч., что делается во время военных действий. Совершенно ясно, при этом сочетании цифр, колоссально возросшее значение Дарданелл для русской торговли и совершенно ясно, какой должен был получиться громадный стимул у русского торгового капитала, какое должно получиться громадное побуждение, чтобы попытаться эти проливы завоевать. Если бы Россия была бы одна, то и тут, вероятно, до войны дело не дошло бы, как не дошло до нее в 80-х и 90-х годах. Но на этот раз соблазн был в том, что на сцене была Англия с ее конфликтом с Германией и Франция тоже с конфликтом с Германией. Таким образом, у России было два союзника, и на почве этих комбинаций складывается громадная коалиция против Германии, которая и заставила, в конце-концов, Германию воевать. Когда какой-нибудь политик или дипломат говорит: о, этот человек непременно на меня нападет, вы можете быть уверены, что он сам собирается нападать на этого человека. Это всегда так бывает. Как это конкретно происходило, позвольте вам рассказать в следующий час.

Чрезвычайно любопытно, что, хотя наиболее острым из охарактеризованных мною конфликтов был конфликт англо-германский, а наименее острым был конфликт русско-германский, тем не менее, стремление завязать драку распределяется как раз в обратно-пропорциональном порядке. Англия, которая была основным врагом Германии, выступает позже всех, как будто бы нехотя, как будто бы только потому, что немцы нарушили бельгийский нейтралитет. Франция, конфликт с которой по остроте своей стоял на втором месте, раньше обнаруживает большую боевую готовность, но все-таки выступает, как честный рыцарь, как друг России, на защиту России. А русские помещики и Николай II, их коронованное возглавление, бросаются в драку первыми; они затевают всю эту войну, хотя

этот конфликт был наименее острым. Это тем и об'ясняется, что для Англии тут жизнь стояла на карте, а когда для человека или для целого государства на карте стоит все, то он десять раз подумает, прежде чем начать драку. А Россия в это время находилась в управлении людей, которые чрезвычайно легко относились ко всему происходящему. Примером этого является переписка Николая II с Александрой Федоровной, где в одном из писем (в феврале 1917 г.) Александра Федоровна пишет мужу, что мальчишки и девчонки бегают по улице и кричат, что будто бы нет хлеба,—и все для того, чтобы создать беспорядки. А через несколько дней она и Николай II полетели с престола. Они были чрезвычайно большими оптимистами и им казалось, что затеять войну—это чрезвычайно пустяковое дело. Таким образом, готовность воевать об'ясняется не значением конфликта, а легкомысленностью самой верхушки. Англия—это был сплоченный, хорошо сколоченный колосс; она двигалась медленно, а Россия—она бежала, как мальчишка, который кричит, размахивает кулаками и т. д. Вот почему, в порядке подготовки войны, Россия выступает на первое место, и кажется, что царская Россия есть главная виновница войны. Но тут я должен сделать оговорку. Главной виновницей войны, конечно, была не Россия. Когда пускают какого-нибудь мальчишку, чтобы он влез в форточку и помог сломать окно, то главным виновником является не этот мальчишка, а те матерые бандиты, которые его послали. Так было и тут. Мы не знаем секретных английских документов,—хотя англичане их опубликовывают, но, конечно, с подчистками, поправками и т. д.; мы не можем сказать, какую роль играла Англия в подготовке. Насчет Франции мы имеем переписку Извольского, и из нее роль Франции, в частности Пуанкаре, достаточно видна. Эту оговорку необходимо сделать вначале.

Что касается России, то уже весной 1908 года русский министр иностранных дел, тот же Извольский, ставит вопрос о проливах. Но его одернул Столыпин, который показал себя тут действительно умным человеком. Он заявил, что война в условиях 1908 года была бы безумным бредом ненормального правительства, и что он никогда такой сумасшедшей вещи не допустит, не позволит Россию втянуть в эту авантюру. Извольский попытался получить проливы косвенно, путем соглашения с Австрией, был обманут и проведен Австрией в самом лучшем

виде, как только можно быть проведенным, оказался в дураках, потерял портфель, переселился в качестве посла в Париж и стал оттуда подготовлять войну, но медленнее и гораздо осторожнее.

Примерно, к 1912 году, и не какой-нибудь легкомысленный Извольский, а русское правительство в целом, совершенно определенно начинает подготовлять вооруженное столкновение, и обстановку, которая бы дала возможность России начать войну, выступить. Это был знаменитый сербско-болгарский договор 1912 года. Надо вам сказать, что братья славяне, именуемые сербами и болгарами, ненавидят друг друга с такой остротой, как если бы одна нация была краснокожая, а другая черная. Это была большая победа русской дипломатии, что ей весной 1912 года удалось состряпать сербско-болгарский союз. Удалось этого достигнуть только благодаря очень жирной приманке,—ни более, ни менее, как раздела Европейской Турции между Сербией и Болгарией. Это клюнуло, и, как сербы и болгары ни ненавидели друг друга, но увидев, что при помощи России можно отнять и Македонию, и Фракию, они на это пошли, и союз был заключен. После долгих споров,—а Болгария и Сербия спорили из-за каждой турецкой деревни, и мирил их русский военный агент в Софии, полковник Романовский,—этот Романовский начертил границу между будущей Сербией и будущей Болгарией, и удовлетворил и Сербию, и Болгарию. Таким образом, договор был заключен. Когда этот договор увидел французский президент Пуанкаре, человек, достаточно умудренный опытом, он воскликнул: „это же орудие войны"! Совершенно ясно, что это был договор, который можно было осуществить только путем войны и притом, вероятнее всего войны не местной, а войны европейской. Это был договор о разделе Европейской Турции между Сербией и Болгарией. Ожидать, что Турция отдаст свои европейские владения даром, без выстрела, было совершенно невозможно. Словом, Пуанкаре совершенно правильно определил этот договор, и в своих лекциях о войне Пуанкаре всячески открещивается от этого договора, говорит, что ничего о нем не знал, говорит, что это было за его спиной, что он тут не при чем. Ясно, что это вещь явно нереальная; ясно, что Пуанкаре все отлично знал, во все был посвящен, но признаваться в этом не хотел—таков был договор, определенный Пуанкаре совершенно правильно. Этот договор был заключен весной 1912 г. В сентябре этого года русский

министр Сазонов был в Англии и там вел разговоры, которые я цитировал. Это было в сентябре 1912 г., а в октябре 1912 г. началась действительная война Болгарии, Сербии и Греции против Турции. По всем вероятиям, русский расчет был такой: турки, организованные немцами, разгромят сербов и болгар, в России сейчас же мобилизуется «общественное мнение»—сербов и болгар обижают, на помощь сербам и болгарам и т. д. Но вышло то, чего никто совершенно не предвидел: турки сразу были разбиты наголову, болгары чуть-чуть не оказались хозяевами Константинополя. Крест на святой Софии готовился водружать болгарский царь Фердинанд, заказавший уже себе и костюм византийского императора. Никто не ожидал, что так может повернуться дело. В Петербурге были чрезвычайно недовольны и одно время даже болгарский национальный гимн «Шуми, Марица» был запрещен. Болгария оказалась победительницей. Словом, комбинация явно расстроилась. А Германия, увидев, как дело оборачивается, вмешиваться, конечно, не стала, тем более, что имеются известные основания предполагать, что Фердинанд, болгарский, действовал по указанию Германии и Австрии. Таким образом, мировой войны из этого не получилось, но тем не менее положение получилось крайне напряженное для России, и за эту авантюру русский торговый капитал был наказан штрафом, составляющим столько раз 30 мил. рублей, сколько месяцев Дарданеллы были заперты из-за этой войны. Положение оказалось в достаточной степени глупым и в то же самое время крайне острым.

Болгария была, в конце-концов, наказана, на нее спустили с цепи Румынию. Румыния не участвовала первоначально в драке, но когда драка кончилась, у Болгарии начались нелады с Сербией из-за дележа Македонии; они поссорились из-за добычи; Румыния вмешалась против Болгарии, и последняя была разгромлена. Естественно, возникал вопрос: что будет дальше? Из разговоров Грея с Сазоновым можно видеть, что Англия готова была порвать с Германией, но в то же самое время она давала понять, что она не может вмешаться в войну, не имея достаточно солидных доводов для своего «общественного мнения». То же самое говорил и Пуанкаре. Пуанкаре тоже обнаруживал готовность поддерживать Россию. С этого он начал, когда с 1912 г. он стал министром иностранных дел. Но он тоже говорил: имейте в виду, что французское

общественное мнение пойдет на войну только, если ему будут пред'явлены серьезные основания. Так, зря, Францию в войну не втянешь. Тут демократический обман, при помощи которого управляют эти правительства, и английское, и французское, создавал своеобразную обстановку. Нужно было что-то, чтобы всколыхнуть массы. Вот почему до 1914 г. и не удавалось эту войну инсценировать. В это время велись всякие переговоры. С одной стороны, была заключена русско-французская морская конвенция, но она была мало интересна, поскольку русско-французский союз был официальным, здесь интересна только одна оговорка в последней русско-французской военной конвенции, что выражение «оборонительная война» не следует рассматривать, как оборонительные военные действия. Наоборот, русские и французы могут и должны со всей энергией напасть на противника. Конечно, для всякого военного человека понятно,— это элементарная вещь, что противнику не нужно давать инициативы в руки, но нападать самому. Эта оговорка русско-французской военной конвенции интересна в том отношении, что она отразилась в одном любопытном документе, который нам придется в дальнейшем припомнить. Этот документ был заготовлен,—а по уверению немцев и разослан,—это было высочайшее повеление, гласившее, что об'явление всеобщей мобилизации в России, в случае столкновения с Германией и Австрией, должно быть рассматриваемо, как приказание немедленно начать военные действия против Австрии и Германии. Только для начатия военных действий против Румынии требовался специальный приказ. Таким образом, уже решено было действовать наступательно; повторяю, в это время Жоффр разговаривал с Сухомлиновым, что главная задача—раздавить Германию, а когда давить,—об этом скажет дипломатия.

Более любопытна русско-английская морская конвенция, переговоры о которой велись в 1913—14 году. Так как между Россией и Англией официального договора не было, то переговоры об этой конвенции тщательно скрывались, но, тем не менее, переговоры эти велись, хотя подписана конвенция ко времени об'явления войны еще не была. Русское правительство собиралось настаивать, чтобы англичане заблаговременно сосредоточили достаточное количество английских грузовых пароходов в русских портах Балтийского моря для того, чтобы Россия могла предпринять высадку в Померании. Это любопыт-

но потому, что все время все стояли на той точке зрения, что Германия напала, что она об'явила войну, а между тем, за два месяца до войны понадобились английские пароходы, чтобы везти русских в Померанию. Суть этой конвенции заключалась в том, что английский флот в Северном море должен был оттягивать германский флот на Северное море, чтобы облегчить положение русского флота в Балтийском море. Эта была основная деловая мысль, а вопрос о высадке в Померании—это было уже «увлечение». Эти переговоры велись весной 1914 года, до войны России с Германией, до «нападения» последней на первую.

Для нас совершенно неизвестно,—должен заранее признаться в своем невежестве,—каковы были мотивы, которые заставили союзников—Англию, Францию и Россию—вызвать войну летом 1914 года. Что они готовились к войне, именно, летом 1914 года, это подтверждается, прежде всего, кое-какими разоблачениями с английской стороны. Один английский офицер генерального штаба, работавший в то время в качестве переводчика, напечатал статью, где рассказывает, что ему пришлось переводить с французского языка на английский, весной 1914 года соглашение об условиях содержания английского десантного корпуса во Франции в случае войны, причем его поразил тот факт, что там был точно указан курс франка и курс фунта стерлингов. Вы, конечно, знаете, что курс денег—это вещь меняющаяся, и что было бы в высокой степени нелепо, хотя бы за год или за два устанавливать такие расчеты. Ведь курс же измениться может. Но курс был высчитан точно тот, который был весной 1914 года. Таким образом, войну предполагалось начать не позднее лета 1914 года. Но, повторяю, какие, именно, мотивы побудили выступить—это сказать трудно, поскольку мы имеем односторонний русский и отчасти сербский материал. Но что Россия выступила—это не подлежит в настоящее время никакому сомнению. Долгое время нам, кто искал причины войны, казалось загадочным убийство 28 июня 1914 года наследника австрийского престола эрцгерцога (великого князя) Франца-Фердинанда. Оно было исходной точкой в той цепи событий, которые развернулись в дальнейшем; результатом его был ультиматум, пред'явленный Австрией Сербии, потому что убийцами были сербы, хотя убийство было произведено и не на сербской территории,—непринятие или

неполное принятие этого ультиматума Сербией послужило поводом к об'явлению Австрией войны Сербии. Россия вступилась за Сербию, и лавина покатилась. Казалось, в основе лежало случайное событие, и мы могли оперировать общим соображением, что, поскольку было напряженное положение, война могла возникнуть по самому незначительному поводу. Теперь мы знаем, что убийство Франца-Фердинанда вовсе не было случайностью, что оно было организовано из Белграда, причем в организации принимало участие, с одной стороны, сербское правительство во главе с премьером Пашичем, которому отлично были известны убийцы. Сербское правительство извлекло даже из этого своеобразное оправдание для себя, предупредив Франца-Фердинанда о готовящемся на него покушении, но не там, где и когда оно должно было совершиться. С другой стороны, тут участвовал русский военный агент и русский главный штаб. Внешняя связь событий была такова: Франц-Фердинанд уехал на маневры в Боснию. Босния—это сербская область, в настоящее время входящая в состав Юго-Славии и лежащая на запад от Сербии. Русский главный штаб дал телеграмму, что маневры—это только ширма и что, на самом деле, под видом этих маневров подготовляется нападение австрийской армии на Сербию. Это известие страшно всполошило Сербию, и глава сербской разведки, Димитриевич, решил предупредить это несчастие самым странным образом, а именно—убить этого Франца-Фердинанда. Кажется, всякий, даже маленький ребенок в возрасте 7 лет может догадаться, что таким путем можно было только возбудить войну, а не предупредить ее, и что это было явным вызовом, брошенным в лицо Австрии. Но Димитриевич, человек, чрезвычайно умный и горячий сербский патриот (расстрелянный потом самими же сербами), вывел такое странное заключение, что нет другого способа предупредить войну между Австрией и Сербией, как убить Франца-Фердинанда. В настоящее время совершенно определенно доказано, что никакого нападения на Сербию не подготовлялось, что маневры были направлены в сторону Италии, а не Сербии, что сам Франц-Фердинанд в то время был больше озабочен австро-итальянскими отношениями, нежели австро-сербскими. Словом, совершенно ясно, что телеграмма русского главного штаба, на которую ссылался Димитриевич, была тем, что называется провокацией.

Несколько сербских националистов отправляются в Сараево, столицу Боснии, и там убивают Франца-Фердинанда. Австрия на это реагировала ультиматумом Сербии, потому что, хотя она не знала всей этой связи вещей, но правильно догадывалась, что убийство подготовлено было на сербской территории. В результате Австрия нападает на «невинную» Сербию, Россия вступается за «невинную» Сербию и т. д. Недели за две до этого события мы имеем телеграмму из русского министерства иностранных дел в Сербию, где говорится о согласии Николая II на приобретение Сербией 120 тысяч русских трехлинейных винтовок с соответствующим количеством патронов. Весьма любопытный факт. Еще никакого австрийского ультиматума не было, никто не нападал, сербы совершенно невинны, они ни о чем этом не думают, но как предусмотрительны: 120 тысяч винтовок. Потом, очевидно, Николай думал: вот какая удача, что 120 тысяч винтовок я во-время предложил. Словом, все это сшито настолько белыми нитками, что позвольте на этом больше не останавливаться.

Как и следовало ожидать, убийство Франца-Фердинанда расшевелило не только Австрию, но и Германию. Австрия выступила против Сербии, Россия выступила против Австрии, а Германия должна была выступить на защиту Австрии. Нужно сказать, что германский император Вильгельм вел себя в это время до необычайности глупо. Он был, видимо, страшно взбешен убийством его личного друга. Франц-Фердинанд был его личный друг, причем убийство было совершено не какими-нибудь анархистами, а сербскими националистами, и он в припадке рыцарства всячески начинает поддерживать Австрию и ее натиск на Сербию. Таким образом, получается такая картина, что два огромных зверя—Германия и Австрия—лезут на несчастную, маленькую Сербию. В первое время в России думали, что уже этого достаточно, но когда поговорили с англичанами—те сказали: нет, это не возьмет, наше английское общественное мнение этим не заинтересуется. Нужно что-нибудь посерьезнее. Кабы на вас немцы напали—то другой разговор, а то это что ж, знаете, из этого ничего не выйдет. Таким образом, с самого начала приходилось разжигать конфликт все шире.

Что это в Петербурге отчетливо сознавали, видно из двух фактов. Во-первых, из восклицания, которое вырвалось у Сазонова при первом известии об австрийском ультиматуме: «Это

европейская война»! Ясно, что человек понимал, что это не местное столкновение, а начало мировой войны. Второй—еще лучше. Как только Австрия начинает грабеж Сербии, Россия в первую голову мобилизует, как вы думаете, что?—Балтийский флот. Вы географию, надеюсь, достаточно знаете и догадываетесь, что попасть в Балтийское море австрийцам возможности нет, а Балтийский флот был мобилизован. Ясно, что с самого этого момента готовилась война против Германии, и Германия так себя вела в первую минуту, что была надежда, что это случится само собою. Вильгельм, взбешенный убийством Франца-Фердинанда, лезет в бой, пишет самые настойчивые телеграммы, всячески поощряет Австрию и т. д. Но в то же самое время Вильгельм был убежден, что Англия не вмешается. Когда он,—это был замечательный день 28 июля,—узнал от своего посла в Лондоне, что Англия непременно вмещается в конфликт, если он примет большие размеры, он сразу дал задний ход. Германия вдруг становится необычайно миролюбива. Вильгельм обращается с письмом к Николаю за посредничеством, радуется, что Сербия хотя полуприняла ультиматум—и отлично, что хоть полуприняла—значит, войны не будет. Словом, внезапно Вильгельм становится пацифистом, потому что война с Англией совсем не была для него приятным сюрпризом. Тут-то перед русским правительством, перед настоящим правительством, а не перед Николаем II, перед Сазоновым, Сухомлиновым и другими, возник вопрос, как бы устроить так, чтобы «европейская война», которой так нетерпеливо ждали, не лопнула, как мыльный пузырь. Тогда и решено было мобилизовать всю русскую армию. Немцам отлично было известно, что мобилизация всей русской армии означает открытие военных действий против Австрии и Германии; на такую вещь, как мобилизация всей русской армии, Германии нечем было ответить, как об'явлением войны.

Оставалось теперь втянуть в войну союзников. Об'явление войны Германией России для Франции было совершенно достаточно, поскольку она связана была с Россией формальным союзом: Франция вступила в войну против Германии. Но для Англии этого оказалось мало. Уверенность английского министра иностранных дел, сэра Эдуарда Грея, что войны Германии с Россией будет достаточно, чтобы втянуть Англию, эта уверенность оказалась ошибочной, и в самом английском кабинете

возникли разногласия. Кабинет был смешанный: там были либералы и консерваторы, и либералы тоже трусили, как трусил Вильгельм, и заявляли, что на войну итти нельзя. И тут-то понадобилось знаменитое нарушение Германией бельгийского нейтралитета. Насколько это нарушение нейтралитета было «неожиданным выступлением коварных немцев», видно из того, что английский десантный корпус был предусмотрительно снабжен огромным количеством материалов для постройки мостов, переправ и т. д., т.-е. имелось в виду действовать в стране болотистой, изрезанной каналами, иными словами,—в западной Бельгии. Французские военные писатели задолго до войны доказывали, что немцам и негде больше итти, как через Бельгию, потому что германо-французская граница на $^2/_3$ заперта Вогезскими горами, а промежуток между этими горами и бельгийской границей, так называемая «Вогезская дыра», слишком узок, чтобы на нем можно было развернуть миллионную германскую армию, да и заперт французскою крепостью Верденом, которую немцы не могли взять и в 1916 году. Я вам привожу все это для того, чтобы показать на наглядном примере, как буржуазия инсценирует войну и как она к ней подготовляется. Все это, конечно, совершенно не было известно широкой публике. Широкая публика знала одно, что злые немцы об'явили войну России, что злые немцы нарушили бельгийский нейтралитет и т. д. Таким образом, приходится сказать, что Вильгельм был пойман в ловушку. Взбесившись до полной потери здравого смысла от убийства Франца-Фердинанда, вступив в коалицию с Австрией, Вильгельм поставил себя в такое положение, что ему ничего другого не оставалось, как об'явить России войну.

Вот какова была связь фактов, определивших возникновение мировой империалистской войны. Ясно, что люди, которые эту войну постарались инсценировать, имели все основания добиваться того, чтобы война как можно дольше не кончалась. Англия уже с самого начала решила вести войну до тех пор, пока Германия не будет совершенно раздавлена. И Кичинер, английский главнокомандующий, с величайшим хладнокровием заявлял, что для этого англичанам понадобится не менее трех лет. Ну, что же, будем воевать три года, убьем десять миллионов народу и, в конце-концов, немцев раздавим. Правда, что другой английский деятель, Ллойд-Джордж, выражался еще более

цинично. Он говорил, что Англия будет воевать до последнего русского солдата. Этого, однако, ему не пришлось дождаться. Русский солдат ушел гораздо раньше, чем англичанам было угодно кончить войну.

Дипломатические интриги во время войны представляют большой интерес. Мир мог быть заключен уже в сентябре 1914 года. Уже в сентябре 1914 года, одержав блестящую победу над русскими в Восточной Пруссии и благополучно избежав полного разгрома на Марне, Вильгельм обратился к посредничеству американского президента Вильсона. Известие об этом произвело величайший переполох в Лондоне. Английский король призвал к себе русского посла Бенкендорфа и стал ему говорить, что нельзя нам говорить о мире не только с Америкой, но и между собой, ибо немцы могут об этом услыхать и сделать из этого соответственный вывод. Самое слово «мир» должно быть из словаря изгнано. Это было передано Николаю. Николай послал телеграмму, где значилось, что он согласен с каждой мыслью английского короля, и что он будет бороться до конца. Как вы знаете, слово он сдержал и до своего конца воевал. Почему англичане так действовали,—это понять не трудно, поскольку вы знаете, что английский конфликт был основным конфликтом войны и поскольку англичанам важно было доконать немцев. Но что руководило Николаем? Это чрезвычайно любопытная сторона, на которой следует остановиться. Россия воевала, как я говорил, за проливы—Босфор и Дарданеллы. Но проливы были юридически, официально в руках Турции, а Турция в сентябре 1914 года еще не воевала, несмотря на всякие русские провокации. Начала же Турция с совершенно необычайного выступления—с того, что она предложила России свой союз. Это был момент величайшего смущения в «Петрограде», когда вместо известия, что мы воюем с Турцией, приходит от русского посла в Турции телеграмма, что Энвер-паша, фактический глава турецкого кабинета, но и юридически главнокомандующий турецкой армией, заявил русскому военному атташе, генералу Леонтьеву, что Турция предлагает свои услуги России. Энвер был слишком хитрый человек, чтобы не понять, что Турции больше всего может достаться, тем более, что тогда еще Болгария не воевала, еще Сербия не была разгромлена. Значит, Турция была отрезана от Германии широкой полосой нейтральных или враждебных стран. Каким образом Германия

гридет на помощь Турции? Положение турок было критическое, и Энвер сделал из него по своему гениальный вывод, решив стать на сторону России. Как ты тогда займешь проливы? В Петербурге это тогда произвело настоящую панику. Сначала Леонтьеву предложили тянуть разговоры, но Турция спешила. Энвер посвятил в свой план великого визиря, а великий визирь призвал к себе русского посла и нажимал на него. Тот соблазнился и телеграфировал начальству, что это единственный случай в истории раз навсегда закончить мирно, полюбовно наш спор с Турцией. В «Петрограде» бесились на непонятливость посла, но неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не помогли.. немцы. Немцам, конечно, было желательно удержать на своей стороне Турцию и поэтому, узнав, что в Константинополе происходят такие своеобразные колебания, немцы поспешили послать на поддержку своей партии один броненосец и один крейсер. Это были «Гебен» и «Бреслау». С этими кораблями турки на море оказывались сильнее России, опасность войны с ней стала не так велика, и это решило вопрос в пользу немцев. Турция сначала перестала предлагать свой союз России—благо та ничего не отвечала на предложения,—потом заключила секретное соглашение с Германией, а в октябре месяце об'явила войну России, т.-е., в сущности говоря, об'явили войну те же «Гебен» и «Бреслау», начав обстреливать русские порты,—но, так или иначе, Россия и Турция оказались в состоянии войны. И можно было официально поставить вопрос о проливах.

Вот вам образчик того, как велись переговоры во время войны и пример того, как мир мог бы быть заключен в сентябре, но он не был заключен, потому что все три основные конфликта, которые имелись налицо, не были разрешены. Я не буду рассказывать о дальнейших переговорах во время войны. Тут был целый ряд перекрестных переговоров. Но я расскажу только в заключение нынешней лекции, как, в конце-концов, закрепила за собой юридически проливы Россия. Это было дело не такое простое, хотя англичане и втравили Россию в войну перспективой, именно, получения проливов. Ни одного писанного слова, которое гарантировало бы, что проливы, действительно, достанутся России, дано не было. Когда во время войны затеяли с англичанами переговоры на эту тему, они отмалчивались и, наконец, об'явили буквально, как дельфийская пифия,

что «вопрос о проливах будет разрешен по окончании войны, согласно с интересами России». Что это значит? И вот пришлось России применять очень сложную дипломатическую комбинацию для того, чтобы постепенно вынудить у англичан письменное обещание, что по окончании войны проливы достанутся России. Для этого пришлось ни более, ни менее как инсценировать призрак русско-австрийского мира. Подробностей я вам рассказывать не буду. Но в конце 1914 года по всем дипломатическим перекресткам Европы стали ходить слухи, что Австрия предлагает мир Сербии, а мир Австрии и Сербии заключал в себе мир Австрии с Россией, ибо Россия стала воевать с Австрией за Сербию. Таким образом, коалиция центральных держав как будто бы разрывалась сторонниками выхода из войны. Болгария еще не воевала, Румыния была нейтральной. С выходом Австрии из войны, Турция оставалась совершенно на жертву русским: от Германии она снова была бы наглухо отрезана, и Николаю, как будто, ничего не стоило бы захватить Константинополь. Англичане ответили на эту возможность попыткой захватить проливы и Константинополь раньше, чем русские туда придут. В марте 1915 года они атаковали Дарданеллы, но прорыв английского флота не удался. И вот в этот то момент, момент бешеной, но неудачной попытки Англии захватить проливы, Россия вынудила англичан дать со скрежетом зубов обещание, что по окончании войны Константинополь будет русским, причем в этом замечательном документе, меморандуме английского правительства, Константинополь был самым циничным образом обозначен, как «богатейшая добыча всей войны». Таким образом, из этой бумаги можно убедиться, что война велась не только в интересах «свободы и цивилизации», как об'являлось во всех газетах, но из-за каких то добыч, самой богатой из которых являлся Константинополь.

Вы видите, что в арсенал дипломатического оружия царской России входила не только провокация, но и шантаж, и потом этот шантаж продолжался долго. Николай II был в непрерывной переписке с германскими родственниками своей жены через посредство последней. Эта переписка неоднократно упоминается в письмах к нему Александры Федоровны. Правда, самих писем мы не нашли, потому что Керенский дал Николаю возможность их уничтожить. Николай был настолько глуп, что записал это в своем дневнике. Из дневника Николая мы узнаем,

что первые дни в Царском селе после отречения были посвящены тому, что он разрывал и жег бумаги. Так он сжег письма Эрнеста Гессенского к Александре Федоровне, где имелись мирные предложения и многое другое. Но, будучи добрым семьянином и весьма любя свою жену, пожалел сжечь ее письма, откуда мы и узнаем о русско-германских переговорах или попытках их завязать.

В 1916 году один такой случай стал известен: приятель Распутина и будущий министр, Протопопов, когда он ездил во Францию и в Англию в качестве члена делегации от государственной думы, по дороге, в Стокгольме, имел свидание с германским агентом Варбургом, и это получило широкую огласку. Что после этого Протопопов стал министром внутренних дел,— а министром иностранных дел стал Штюрмер, которого считали чуть не прямо германским агентом; это союзники должны были намотать себе на ус. Николай явно начинал становиться подозрителен—и это отразилось на отношении союзных послов к его падению. Последнее отнюдь не было для союзников неприятностью—неприятностью было образование Совета рабочих депутатов. Но я не собираюсь рассказывать здесь истории мартовской революции—я говорю обо всем этом лишь для того, чтобы вы получили ясное представление о нравах империалистических государств, и о том, что обман является не только излюбленным их оружием по отношению к народным массам, но что и друг друга они обманывают не хуже, чем массы. Отвратительный запах, который идет от буржуазных газет этой эпохи кажется почти благовонием, когда вы развернете секретные дипломатические документы.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Уже к концу 1916 года становилось совершенно ясно, что войну вести Россия больше не может. В январе или, самое позднее, в начале февраля 1917 г. группа думцев, думских депутатов, во главе с знаменитым Родзянко, подала Николаю II записку, обрисовывавшую экономику России в тот момент. Эта замечательная записка опубликована нами. Она была найдена одной из слушательниц Института Красной Профессуры, Чаадаевой, и опубликована в «Красном Архиве», но, так как я имею основания полагать, что не все здесь присутствующие являются усердными читателями «Красного Архива», то позвольте два отрывка из этой записки воспроизвести, причем я обращаю ваше внимание, что я воспроизвожу только отрывки, характеризующие положение, дающие наиболее яркую иллюстрацию этому положению, но вся записка состоит из ряда таких же фактов. Прежде всего по вопросу о продовольствии:

«Разверстка, предпринятая министерством земледелия,— говорит Родзянко,—определенно не удалась. Вот цифры, характеризующие ход последней. Предполагалось разверстать 772 миллиона пудов. Из них по 23 января было теоретически,— (заметьте,— теоретически),—разверстано: 1) губернскими земствами 643 миллиона пудов, т.-е. на 129 миллионов пудов меньше предположенного, 2) уездными земствами 228 миллионов пудов и, наконец, 3) волостями только 4 миллиона пудов».

Другими словами, не теоретически, а практически разверстано только 4.000.000 пудов.

«Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»,— кончает Родзянко совершенно правильно.

Товарищи, мы очень ругали наш Наркомпрод, который в обстановке гражданской войны, в обстановке интервенции, окружения нас всевозможными империалистическими гадами, ухитрился собрать только каких-нибудь 160—180 миллионов пудов.

И каких только анекдотов об этом Наркомпроде не рассказывали. Но вот посмотрите на это творчество николаевской России и на революционное творчество. Они без гражданской войны, окруженные не врагами, а друзьями, фактически собрали 4 миллиона, а мы, окруженные врагами со всех сторон и в обстановке гражданской войны, собрали 180 миллионов пудов, и при этом мы сами себя ругали и говорили: это чорт знает что такое; а там только в секретной переписке писали, что разверстка определенно не удалась.

Теперь дальше:

«В зимний сезон Москве (речь идет о Москве, потому что тут по городам записка рисует положение; я беру Москву, как наиболее яркий и наиболее близкий нам пример: ведь живем то мы в Москве) нужно ежедневно 475 тыс. пудов дров, 100 тыс. пудов каменного угля, 100 тыс. пудов нефтяных остатков и 15 тыс. пудов торфа. Между тем, в январе, до начала морозов, привозилось в Москву ежедневно в среднем по 430 тыс. пудов дров, 60 тыс. пудов каменного угля и 75 тыс. пудов нефти, так что недовоз, в переводе на дрова, составлял ежедневно 220 тыс. пудов; с 17 января прибытие дров в Москву упало до 300—400 вагонов в день, т.-е. до половины нормы, установленной порайонным комитетом, а нефти и каменного угля почти совсем не поступало. Запасы топлива к зиме на фабриках и заводах в Москве были заготовлены примерно на 2-месячную потребность, но вследствие недовоза, начавшегося еще в ноябре, эти запасы свелись на-нет. Вследствие недостатка топлива, многие предприятия, даже работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. Дома с центральным отоплением имеют топлива в размере всего 50%, а дровяные склады пусты. Городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на ¾, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось».

Мы, сидя тогда за границей, не подозревали, что вначале 1917 г. газовые фонари в Москве уже не горели. Когда я приехал в Москву в августе 1917 г. и увидел такую картину, я думал, что это — результат революции, а оказывается, что это был вовсе не результат революции, а результат войны.

«Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, и не исключена возможность полного прекращения. Городские лазареты закрываются один за другим. В квартирах обывателей редко температура поднимается

выше 11—12° Р., а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлуэнцией и воспалением легких, а на почве недоедания—желудочные и кишечные расстройства. Благодаря недостатку топлива, — сообщает общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, — стоят фабрики: Т-во Даниловской мануфактуры, Т-во А. Гюбнер, Ткацкая фабрика Бабищева, завод сельско-хозяйственных машин Головина, суконная фабрика Жучковой, Подольский снарядный завод Земгора, ряд мукомольных мельниц; остановлено производство аэропланов на заводе акционерного общества «Дукс» (идет война, а производство аэропланов останавливается), остановлено производство малых моторов на заводе Динамо, стоит Докторовский химический завод; с 26 ноября остановлена работа литейных мастерских на Коломенских заводах, грозит полная остановка фабрикам Симонова, т-ва Гурьева, Склянина и бр. Карповых, дрожжевому заводу Гивартовского, снаряжательному заводу Второва, заводам братьев Бромлей, формалиновому заводу, Московскому вагоностроительному заводу, электрической станции Рыбинской городской управы, т-ву Трехгорной Прохоровской мануфактуры. Грозит частичная остановка: Куваевской мануфактуре, механическим заводам т-ва Доброва и Набгольца, Люберецкому заводу сельско-хозяйственных машин, Московским обозным мастерским, юфтевому заводу Савина, т-ву Московского металлического завода, Ростовской льняной мануфактуре, Московскому электролитическому заводу, механическому заводу Пелевина, заводу «Проводник», заводам Сормово, Тверскому вагоностроительному заводу, Тульскому меднопрокатному заводу, Тульскому оружейному заводу и целому ряду других».

Длиннейшее поминание умерших или умирающих заводов, обслуживающих войну, военную промышленность. Такое положение было в начале 1917 года, до Февральской революции, приблизительно за месяц — за два до Февральской революции. Это что касается тыла. Теперь то, что касается фронта. Это по протоколу совещания главнокомандующих в ставке 17—18 декабря 1916 года.

«Генерал Рузский... Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда».

«Генерал Брусилов: Действительно, 7-ой Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказывались итти в атаку: были случаи возмущения, одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры, расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц, и теперь корпус приводится в порядок».

Это было в декабре 1916 г., за четыре месяца до Февральской революции. Ленина еще не было в теперешнем Ленинграде, никакой большевистской пропаганды, о которой вопили разные Алексинские, не велось. Она велась, конечно, поскольку были большевики в подполье, но не велась открыто и не могла вестись, потому что существовал царский режим, и, тем не менее, вот какие настроения были в войсках.

Таким образом, для всякого разумного человека уже в декабре 1916 года и январе—феврале 1917 года было ясно, что войну дольше вести нельзя, что для этого нет ни экономической возможности, нет ни настроения в армии. Настроение точно отражало эту экономическую невозможность вести войну, шло на мир. Вы догадываетесь, как при такой обстановке у так называемого прогрессивного блока, т.-е. у империалистической русской буржуазии, с одной стороны, и у английского посла Бьюкенена, с другой, явилась мысль убрать царя, убрать неспособного, непопулярного Николая и особенно непопулярную Александру Федоровну и на место их посадить императора общественного доверия, Михаила. Вы знаете, что в этом направлении был сорганизован целый заговор, целый план дворцового переворота, который оборвала внезапно для этих людей вспыхнувшая Февральская (точнее «Мартовская») революция. Она вспыхнула внезапно только для этих людей, потому что даже царская охранка уже в январе доносила, что настроение очень напоминает то, какое было в начале 1905 года. Так что даже полицейские, имевшие известный опыт, сумели охарактеризовать положение соответствующим образом. Но прогрессивному блоку его замысел не удался, Милюков, по словам Палеолога, был совершенно растерян, и для него все это налетело чрезвычайно внезапно.

Рассказывать вам о Февральской революции я не буду, мои лекции посвещены не этому. Но спрашивается: какой же смысл имела Февральская революция в такой обстановке, и какие результаты она должна была дать? О смысле определенно говорит Суханов в своих записках о революции. Он говорит, что

темой всех уличных митингов в начале марта был мир. Французский посол Палеолог, куда он ни приходил, везде встречал заявления: война кончена. Война умерла, надо заключать мир. Война есть труп, и этот труп вам не удастся даже гальванизировать. И вот, к величайшему удовольствию Палеолога, он нашел, по крайней мере, гальванизатора трупа. Вы догадываетесь, что настроение Палеолога, французского посла, было довольно мрачное. Что же в самом деле, — война кончается, восточный фронт перестает существовать. Что же тогда делать? Как тогда с немцем драться? И вот Палеологу указали,— он прямо говорит: мне указали,— на одного многообещающего и энергичного молодого человека из среды советов. Палеолог по этому поводу высказывает такую сентенцию: теперь, говорит, можно настоящих людей отыскать только в советах. Значит, во временном правительстве никакого настоящего человека не найдешь. А вот маленькая выдержка из воспоминаний а н г л и й с к о г о посла Бьюкенена: «Керенский был единственным министром, личность которого хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто останавливающее внимание и импонирующее. В качестве оратора он обладал гипнотизирующей силой, очаровывавшей аудиторию, и в первые дни революции он непрерывно старался сообщить рабочим и солдатам частицу своего собственного патриотического пыла..: Благодаря своему уменью владеть массами, личному влиянию на товарищей по правительству и отсутствию сколько-нибудь способных соперников, Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне».

Итак, многообещающим для Бьюкенена и Палеолога, т.-е. для Антанты,—оказался именно А. Ф. Керенский. Это было еще в марте. Так что вы видите, что возвышение Керенского было не случайностью. Дело императора Михаила лопнуло, как мыльный пузырь. Когда он обратился к Родзянко с вопросом: можете ли вы мне гарантировать жизнь (скромность чрезвычайная для императора), то Родзянко отвечал, что он и этого гарантировать не может, после чего Михаил Александрович подписал свое отречение. Император лопнул, надо было выдвигать какую-то силу, которая действовала бы в том же направлении, т.-е. продолжала бы войну. Эту силу обрели в лице Керенского. При поддержке его из-за кулис Антантой, Керенский начинает выдвигаться. Я не питаю ни малейшего сомнения на счет того, что

Керенский был прекрасно осведомлен об этом. В самом деле, что это за сказочная красавица, от которой все английские и французские послы сходят с ума, а она этого не знает и ни на кого не обращает внимания. Это совершенно неправдоподобная вещь. Ясно, что Керенский, как человек очень честолюбивый, знал, какую роль он должен был играть, и роль эту играл с большой сноровкой, она ему нравилась, ему нравилось то, что ему выпадает роль „спасителя цивилизации и свободы". Вы ведь знаете, что война велась во имя спасения цивилизации, культуры, свободы и пр. У нас есть драгоценнейший документ, который я часто цитировал и который, связи ради, не могу не процитировать и здесь. Он характеризует сразу и значение Керенского, и значение мероприятий, и наступлений, предпринятых Керенским в июне—июле месяце 1917 года, и положение армии на фронте тотчас после Февральской революции. Этот документ—письмо Керенского к Ллойд-Джорджу. Вот, что писал ему Керенский накануне своего падения (письмо относится к началу октября 1917 года):

«Как бы трудно ни было положение России, с точки зрения общего дела, мы можем утверждать, что оно лучше, чем было прошлой весной. Тогда на нашем фронте установилось фактически состояние перемирия—результат пропаганды, „братания" и упадка военной дисциплины. Это положение тем больше внушало беспокойство, что немцы с ним считались, воздерживаясь от всяких военных действий на нашем фронте, в надежде использовать освобождающиеся таким путем военные силы против наших союзников. Признавая всю опасность положения, временное правительство решилось положить ему конец во что бы то ни стало. Наше наступление, несмотря на успех в начале, кончилось неудачей. Тем не менее, его главная цель—положить конец состоянию перемирия и возобновить войну—должна рассматриваться, как достигнутая ценою великих жертв».

Этот документ вскрывает не только причину наступления нашего летом 1917 года, но и весь смысл знаменитого коалиционного правительства Керенского. Это было правительство воскресения войны или, точнее говоря, это был гальванизатор трупа. Война умирает, она умерла в феврале 1917 года. Я принес с собою целый ряд выписок, характеризующих настроение армии в первые месяцы после революции в марте. Я нарочно взял данные, относящиеся к самому началу революции—к марту,

самое позднее, началу апреля. К июню в Петербурге шла открытая большевистская пропаганда, издавалась «Окопная Правда» и т. д., тут можно сказать, что это результат большевистской пропаганды, но в марте этого еще не было. В то же время, я нарочно беру данные, относящиеся к ф р о н т у: в тылу, далеко от германских пуль, настроение было несравненно более воинственным, и этот факт слегка сбивал с толку даже нас, большевиков. Многие принимали оборонческое настроение петроградского гарнизона, как нечто действительно реально существующее и выражающее настроение „армии". Вот вам маленькая иллюстрация к тому, насколько это оборонческое настроение было реальностью на факте. Это я беру из письма командующего 5-ой армией ген. Рузскому. В этом письме говорится:

«Они (фронтовые солдаты) заявляют, что те части в Петрограде и других городах России, которые ходят в манифестациях, кричат и вывешивают флаги „война до полной победы", должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как достигается победа, а нам, послужившим в окопах и на войне почти три года, стать на место тех».

Вот какая картина была на настоящем фронте. Там, говорят, в Петербурге пустяки, они ходят с красными флагами, а вот ты в окопах посиди.

Затем дальше:

«В 3-ей Туркестанской дивизии ходят по рукам листки следующего содержания». Дальше следует листок явно написанный солдатом. Никакой большевик не мог этого написать, потому что этот листок совершенно безграмотен и гласит следующее:

«Братья, просим вас не подписываться которому закону хочут нас погубить, хочут делать наступление, не нужно ходить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы не было нигде наступление по фронту, нас хотят сгубить начальство. О н и и з м е н н и к и, н а ш и в р а г и в н у т р е н н и е, о н и х о т я т о п я т ь, ч т о б ы б ы л о п о с т а р о м у з а к о н у. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, вот они и хочут сгубить нас, мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот побьют, нам все равно не прорвать фронт неприятеля, нас тут всех сгубят, я разведчик хорошо знаю, что у неприятеля наставлено в десять рядов рогаток и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от

пулемета. Нам нечего наступать; пользы не будет: если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт. Передавайте, братья, и пишите сами это немедленно. С почтением писал лес».

Это относится к марту. Это идет речь не о том наступлении, которое повел Керенский в июне месяце, а это относительно проектов наступления еще в самом начале, в марте месяце. Можно подумать по этому поводу, что солдат был совершенно несознательный, ничего не понимал, все сводил к уменьшению генеральского жалованья и т. д. Но вот вы дальше из доклада членов государственной думы, Янушкевича и Филоненко, которые ездили на фронт тоже в марте месяце, узнаете следующее:

«Серьезным вопросом для солдат является участие или неучастие в выборах в учредительное собрание. Говорили: «За нас никто решать не может». Ставили вопрос: «Будем ли мы принимать участие» (Интереснейший разговор между солдатами, которые, совершенно явно, вполне понимают значение учредительного собрания, и этими членами государственной думы, один из которых, Филоненко—эсэр). «Мы на свой страх отвечали: «В той или другой форме, конечно, ваше слово будет сказано». Они заинтересовались, будет ли республика или монархия. Мы отвечали, что этот вопрос решит учредительное собрание. Я должен сказать откровенно, насколько я видел, настроение сплошь республиканское. Спрашивали: арестован ли Романов со своей семьей. Как только сказали, что арестован, стали кричать «ура» и т. д.».

Любопытно очень, как настроение армии различно отражалось по чинам, так сказать:

«Затем всех волновал вопрос, останется ли главнокомандующим Николай Николаевич. Офицеры говорили: «Как можно удалять такого популярного человека? Что скажут войска?» Когда солдаты задавали нам этот вопрос,—газеты не приходили туда три дня,—то мы говорили им, в виде слуха, что вопрос этот решается. Они говорили: «Довольно с нас Романовых: нам не нужно великого князя, пусть будет кто угодно».

«Солдаты в речах постановили об удалении «всех баронов, фонов и прочих шпионов», а также офицеров, коим было выражено недоверие запасным батальоном в Царском Селе».

Словом, настроение на фронте было, несмотря на безграмотность цитированного письма, которое являлось безграмотным технически, а не по существу, определенно республиканское и вполне сознательно антивоенное.

Дальше есть отрывок, говорящий, что кроме учредительного собрания солдаты чрезвычайно заинтересовались и землей, конечно. И даже, как видно из ряда мест, они заинтересовались и учредительным собранием, главным образом, в связи с землей. «Тут попалось много старых солдат, которые говорили: «А что же говорят про землю»? Вообще про землю очень часто говорили. Мы отвечали, что вопрос этот будет решен после учредительного собрания: «И ты голос подашь, и я, а сейчас мы этого не можем решать. Но, во всяком случае, земельный вопрос так или иначе, а решен будет». А один солдат говорит, «Что земля!...., если меня не будет, то мне и земли не надо».

Вы видите, что Керенскому приходилось попотеть, чтобы спасти войну, и что положение на фронте развивалось так, что мир становился все более и более неизбежным. Эти восемь месяцев, если брать их с точки зрения внешней политики, и были отчаянной борьбой кучки империалистов и русских, и международных, стоявших за Керенским, которые тщетно поддерживали войну во что бы то ни стало,—и развитием самой русской революции, которая шла к миру. Поскольку эта революция, как социальная революция в основе, хотя она в феврале носила еще буржуазный характер,—была революцией против империализма, она не могла не быть революцией против войны. Всюду в мире тогда, во всех воевавших странах, революционное настроение выражалось прежде всего в протестах против войны. Так было не только у нас, так было и в Германии, где произошло это знаменитое восстание в германском флоте, внушившее нам некоторые надежды, даже преждевременные, в связи с Брестским миром. Так было и во Франции именно весной 17-го года, когда целые дивизии бунтовались на фронте и их приходилось уводить. Французская цензура эти факты всячески скрывала, но после революции это стало известно, и все это шло под лозунгом: «долой войну, немедленно заключайте мир». Вот почему, товарищи, та партия, которая возглавила тогда революционное движение, имела под собой прочную базу. Одним из своих лозунгов, имея лозунг мира, она отражала настроение широчайших масс, включая и весь фронт. Вот почему Ленин

был совершенно прав, что нужно было как можно скорей сбросить правительство Керенского. Он уже в сентябре настаивал на необходимости выступления и низвержения Керенского; только колебания в рядах нашей партии и различные случайные обстоятельства оттянули революцию до конца октября. Опять-таки я не буду о самой революции рассказывать—это не входит в задачи моих лекций,— а я буду касаться только внешне-политических последствий этой революции. Декрет о мире просто вытекал из всей сущности дела и нам не приходится теперь ставить вопрос зачем, почему был издан декрет о мире и т. д. Приходится ставить другие вопросы: почему, во-первых, мир, как и сама социалистическая революция, остался местным русским явлением; почему, несмотря на то, что было повсеместное движение к миру, и в то же самое время революционное движение во Франции, Германии и т. д., мир в мировом масштабе не состоялся? И во-вторых, почему, несмотря на то, что, казалось бы, кроме лозунгов: мир, земля и т. д., у нас, у большевиков, в октябре 1917 года ничего не было, не было никакой реальной силы, нам удалось реально заключить мир? Для того, чтобы заключить мир, нужны две стороны. Недостаточно, чтобы одна сторона желала мира, чтобы он был заключен. Почему Германия пошла на мир?

Прежде всего, чтобы закончить этот час, я остановлюсь на том, какой же об'ективный смысл, с точки зрения международной политики и развития империалистской войны, имела вся эта возня с Керенским? Казалось бы, об'яснение простое: старались поддержать русский фронт, держать Россию в войне для того, чтобы продолжать войну. Это самое элементарное об'яснение. Но если вы несколько детальнее всмотритесь в это дело, то увидите, что, в сущности говоря, союзники в 1917 г. Россию, как серьезную боевую силу, уже не рассматривали. В этом смысле мы имеем, во-первых, доклад одного агента Англии, агента Ллойд-Джорджа, в августе 1917 года, и кое-какие кусочки опять-таки из переписки Керенского. В этой переписке Керенский сообщает, что, как ему, в свою очередь, сообщают с фронта, много доставляется Англией бракованной артиллерии. Гаубицы, присылаемые из Англии, не выдерживают минимального числа выстрелов. Что это значит, когда союзника снабжают бракованным оружием, т.-е. дают ему всякую заваль?

—Это значит, что к этому союзнику серьезно не относятся. В Лондоне и Париже вовсе не были так глупы, чтобы верить, что Керенский действительно может возродить войну. Там превосходно понимали, что происходит гальванизация трупа. Зачем же нужно было гальванизировать труп?—А вот зачем. С февраля месяца 1917 года Соединенные Штаты разорвали дипломатические сношения с Германией. На военную сцену вступила колоссальная экономическая сила, ибо Соединенные Штаты уже и тогда были самой богатой страной мира. Самое выступление Соединенных Штатов об'ясняется, конечно, германской подводной блокадой, так как Соединенные Штаты до сих пор жили тем, что они обслуживали войну, вся американская промышленность росла на военных заказах, то очевидно, что прекращение торговых сношений с Европой, в частности, с Англией, для них было чрезвычайно тяжелым ударом, и об'явление подводной блокады было вызовом, который Германия бросила Соединенным Штатам. Соединенные Штаты приняли этот вызов,—и с замечательной меткостью, в марте 1917 года, как только совершилась русская революция, Соединенные Штаты формально об'являют войну Германии. Как только выбывает один боец, так выступает другой. Но Соединенные Штаты могли появиться на театре войны не раньше, как через год. Соединенные Штаты, как и Англия, постоянной армии почти не имели. Им нужно было организовать и сформировать эту боевую силу. На это нужен был год. И, действительно, американская армия появилась на театре войны, и сыграла решающую роль именно летом 1918 года. Русский фронт нужно было поддержать до тех пор, пока на западном фронте появятся американские войска. Вот вам и секрет одновременно и гальванизации трупа войны в России, и тех бракованных пушек, которые посылала Англия в 1917 году: пускай Россия уходит. Когда на сцене будут американцы, тогда восточный фронт нам не так важен, но до тех пор нужно продержаться во что бы то ни стало. Вот почему, когда у власти были большевики, американцы со свойственным им деловым цинизмом приходили к Николаю Васильевичу Крыленко, который был тогда главковерхом, и предлагали ему по сто рублей (не бумажных, а настоящих золотых рублей), по 50 долларов за каждого удержанного на фронте русского солдата, а так как солдат было несколько миллионов, то вы догадываетесь, что сумма была довольно значительная.

Крыленко не только не хотел этой операции, но, по правде сказать, и осуществить ее не мог бы, потому что армия разбредалась с фронта совершенно неудержимо. Вот вам подкладка всей этой истории, которая развертывается далеко за пределы местных русских событий. Во чтобы то ни стало нужно было, чтобы восточный фронт продержался до прихода американцев, а он крахнул за шесть месяцев до этого прихода.

Брестский мир для нас, большевиков, интересен с двух сторон. Во-первых, с точки зрения той партийной борьбы, которая разыгралась около Брестского мира; а во-вторых, с точки зрения тех об'ективных условий, в которых мир был заключен. Я не буду касаться совершенно первой стороны, потому что она, что касается дискуссии внутри ЦК, достаточно освещена и изображена в приложениях к XV тому собрания сочинений Ленина, а сочинения Ленина у вас у всех на руках, и вы можете там об этом прочесть. Я остановлюсь исключительно на об'ективной стороне Брестского мира, которая, к сожалению, нигде до сих пор не изображена, и на которой приходится остановиться просто потому, что нет у вас в руках материалов, где бы эта сторона была дана в более или менее обозримом виде. Вот почему я начинаю изложение истории Брестского мира, смотря со стороны Германии и ее союзников. Что касается Германии, то, благодаря «гениально организованному голоду», как говорили в то время, она, сравнительно, лучше держалась. Тут ей много помогал захват двух сельскохозяйственных районов—Польши и Литвы, откуда Германия и получала хлеб, жиры, мясо и т. д. Благодаря этому, условия существования в Берлине все время были хотя очень тяжелые, но все же терпимые. Достаточно сказать, что обычный германский хлебный паек составлял 210 граммов, т.-е. более половины фунта хорошего хлеба, и в самых крайних случаях падал до 170 граммов, тогда как у нас он падал до 120 граммов хлеба, перемешанного с соломой. Таким образом, как это ни курьезно, та страна, которая надеялась выморить немцев голодом,—ибо в начале войны господствовало мнение, что с первого января 1915 года немцы начнут умирать с голоду,—эта страна начала голодать гораздо раньше самой Германии. Я могу говорить тут по собственным впечатлениям. Я помню хорошо, как в Вильне я получил обед лучше того, который в Петербурге и в Москве давали за десять рублей,—за три марки, т.-е. за полтора цел-

ковых. Правда, это—около фронта, в самой Германии было хуже. Но надо прибавить, что немцы чрезвычайно умело организовали отправку продовольственных посылок с фронта. Солдаты этим путем подкармливали своих родственников; это поддерживало настроение внутри Германии и внушало известные надежды. Совершенно отчаянным было положение других союзников Германии, которые сорганизоваться не умели. По докладу австрийского генерал-интенданта еще в самом начале осени 17-го года, т.-е. задолго до Октябрьской революции, Австрия могла прокормиться только до февраля—марта 1918 года, а дальше, говорил генерал-интендант, должен наступить настоящий голод, хлеба не будет вовсе. Откуда-нибудь нужно будет достать,—он так прямо и говорил,—новый источник продовольствия. В таком же положении находилась и Турция. Константинополь голодал еще сильнее, нежели Вена. И вот оттуда, от союзников, еще до нашей Октябрьской революции, поднялся вопль, обращенный к германскому правительству и к германскому командованию: или добудьте нам где-то хлеба, или заключите мир, мы больше держаться не можем; при этом Австрия доходила до прямых угроз заключения сепаратного мира, выхода из войны. Вот что толкало на мир, по крайней мере, с Россией центральные европейские державы. Вот в чем секрет того, что едва мы успели усесться у власти, как немцы сейчас же охотно пошли на переговоры с нами сначала о перемирии, а потом о мире.

Но в этом лагере было два течения. Одно течение, это то, которое представляли австрийцы, вообще союзники, и к которому присоединялась значительная часть самой германской буржуазии. Это было течение за настоящий мир с Россией,—настоящий мир, который даст настоящий хлеб, во-первых; а во-вторых, даст настоящий хлопок для германской индустрии, даст настоящего покупателя для германской мануфактуры и т. д. Перед войной один крупный германский экономический деятель сказал одному французскому публицисту такую фразу: «Мы работаем для вывоза. Если мы перестанем вывозить—мы умрем». А между тем за время войны вывоз совершенно прекратился. И если военный рынок выручал металлургию и химическую промышленность, то, например, легкую индустрию и текстильную промышленность он выручал очень мало, так что в самой Германии была определенная группа буржуазии, герман-

ских капиталистов, которые стояли за мир. Но ей противостояла другая группа,—это как раз тяжелая индустрия, химическая промышленность и юнкерство, возглавлявшее все. Эта группа хотела не мира с Россией, а разгрома России, и считала, что этот разгром—сравнительно очень легкое дело. Во главе этой группы стоял теперешний германский президент, фельдмаршал Гинденбург, а за ним стоял фон-Людендорф, самый талантливый из германских генералов империалистской войны, а его помощником являлся начальник штаба восточного фронта генерал Гофман. Последний служит характерным примером того, как не нужно отождествлять военную партию и юнкерскую партию. Гофман не юнкер, а буржуа—он вышел из буржуазной среды; он не фон-Гофман, а просто Гофман. Гофман—чрезвычайно видная фигура во всей этой милитаристической группировке, которая стояла за разгром России. Отчасти этот круг руководствовался тем, что они видели разложение русского фронта и хотели это использовать. Вот как рисовал дело Людендорф: «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имелось в виду на ближайшее время. На Украине надо было подавлять большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось».

Я вам привел этот отрывок потому, что он чрезвычайно важен. Это вся программа Брестского мира, как он был заключен: и короткий удар, и захват Украины и т. д. Но Людендорф миром интересовался меньше всего. Ему нужно было ликвидировать восточный фронт, ликвидировать начисто, что я выразил иными словами: разгромить Россию. Что для этого нужно было?—Нужно было, конечно, воспользоваться, с военной точки зрения, тем разложением русской армии, которое происходило в эти месяцы, происходило стихийно, неудержимо: фронт таял, люди с фронта уходили. Надо было выжидать, пока этот процесс достигнет максимума, и тогда—этот короткий и сильный удар, который сразу заканчивает все. Когда начались перего-

воры в Бресте, перед нами и вырисовались эти две группы со всей ясностью. Мы совершенно определенно увидели группу «миролюбиво» настроенных германских промышленников, капиталистов, возглавляемых Кюльманом, тогдашним немецким министром иностранных дел, а рядом с ними—группу этих несчастных союзников, которые даже внешним видом производили весьма жалкое впечатление. Самостоятельнее других держались турки, упорно не желавшие, например, даже разговаривать на немецком языке—ради них, когда они участвовали, переговоры велись на традиционном французском. Но уже австрийцы, начиная с их главы, Чернина (австрийского министра иностранных дел), имели вид запуганный и взволнованный—а о болгарах лучше не говорить.

Это была одна группа, которая стояла за мир с нами, желала добиться его возможно скорее. И рядом с этим был генерал Гофман, который ударял кулаком по столу в нужную минуту и всегда ухитрялся найти такой ультиматум, который делал для нас подписание мира невозможным. Ясно было, что человек шел на срыв мира. Его планов мы не знали, но чувствовали, что Гофман хочет сорвать мир, что ему не нужен мир, а что ему нужно что-то другое. Как мы реагировали на все это? Тут нужно коснуться и нашей партийной политики. У нас внушил очень большие, несколько преждевременные, надежды бунт германских моряков осенью 1917 года. Из этого восстания германского флота мы вывели заключение, что Германия в буквальном смысле слова накануне революции,—а она действительно была накануне революции, но, к сожалению, не в буквальном смысле. Когда я приехал в Петербург к т. Троцкому, отправляясь на Брестские переговоры (меня и тов. Павловича высылали дополнительно, когда Иоффе, Каменев и другие уже были там), первое, чем он меня встретил, был рассказ о будтобы только-что происшедшем грандиозном восстании у немцев: 30 тысяч солдат взбунтовалось и укрепилось где-то между Гродно и Белостоком, и с фронта сняли несколько дивизий, чтобы ликвидировать восстание. В чем должна быть наша тактика?—Тянуть, пока германская армия окончательно разложится, пока в Берлине вспыхнет восстание рабочих, затем заключить не мир, а братский союз с германским советом народных комиссаров, с Карлом Либкнехтом во главе. Вот какая рисовалась картина. Ленин однажды, под сердитую руку, назвал эти рас-

суждения революционной фразой, но, конечно, это было в сердцах сказано: кое-какие основания были для этого. Помимо восстания в германском флоте, нужно учесть тут и движение, которое произошло в январе в Берлине и Вене,—рабочее движение, которое в Вене дошло до образования Совета рабочих депутатов, а в Берлине картина была такая, что приезжавшие из Германии рассказывали о поваленных вагонах трамвая, из которых были сделаны баррикады, и говорили, что ничего подобного Берлин не видел никогда. Действительная ошибка Троцкого состояла в том, что он думал, что там началось, а на самом деле там только начиналось.

Словом, употребляя выражение Плеханова, правда, по другому поводу, можно сказать, что второй месяц беременности приняли за девятый и, благодаря этой ошибке, оказались на одном пути с Людендорфом. Тому нужно было тянуть, пока разложится русский фронт, который, к сожалению, действительно разлагался, и очень быстро, а нам нужно было, чтобы разложился германский фронт, который разлагался гораздо медленнее. Мы это сами видели, когда ехали в Брест. У нас были брошенные окопы, разрушенные землянки и кучи солдат, уходивших с фронта. Нам они встречались на всем протяжении чуть не целыми полками,—по тысяче человек сразу. На германской же стороне все было в порядке: часовые на местах, окопы великолепно содержатся, никакого разложения нет. Нет сомнения, что сочувствие к революции уже завладевало и германским солдатом. Тов. Сокольников упоминает, как один немецкий содат хотел уехать вместе с русской делегацией. Германские часовые относились к нам с явной симпатией: позволяли разговаривать с русскими пленными и предостерегали, когда приближался германский офицер. На нашей квартире нас обслуживала немецкая прислуга, и разговоры, которые с нами вели наши германские денщики, действительно, показывали, что в Германии «начинается», ибо ясно было, как они ненавидят свое офицерство и чиновничество, ненавидят кайзера. Они желали нам всяческого успеха и один из них, прощаясь с нами, говорил, что надеется нас увидеть в красном Берлине, в революционном Берлине. Но все это только начиналось и основываться на этом было неосторожно.

И вот на этом нашем недоразумении немцы начинают играть. В основе их игры лежало разложение русского фронта,—

поэтому нам заключать мир нужно было возможно скорее: ибо 1-го декабря мы имели на фронте больше реальных штыков, чем 1-го января, а 1-го января—больше, чем 1-го февраля, а что к 1-му марта осталось—я и изобразить не могу—фронт был почти совершенно пустой. А. А. Самойло, который брал потом Архангельск у белых, а тогда был главою нашей военной миссии в Бресте, говорил мне, что на фронте стояло 2.000 орудий без всякого прикрытия. Вот почему, если правильно указание одного товарища,—он не подкрепляет это никакими документами,—Ленин еще в конце ноября перед фракцией большевиков в Совнаркоме (вы помните, что Совнарком был тогда неоднороден; там были большевики, были и левые эсэры),—перед большевистской фракцией Совнаркома настаивал на немедленном заключении мира. Я повторяю—это никакими документами не закреплено. Но, во всяком случае, если Ленин уже в конце ноября настаивал на заключении мира, как можно скорее, он был совершенно прав, ибо чем раньше мы заключили бы мир, тем менее он был бы для нас тяжелым.

Опасение и беспокойство, что с этой стороны не все благополучно, у меня появилось при первом моем появлении в Бресте в самом начале декабря. Тот немецкий офицер, который должен был меня и Павловича провожать в Брест, сказал: «а я только что провожал представителя Украины, который тоже ехал в Брест». От представителя Украины уже дурно пахло: мы тогда были в войне с украинским правительством. Одновременно с известием о восстании в германской армии я услыхал от т. Троцкого и другую новость: «вчера мы пред'явили ультиматум Раде», сказал он мне. И вот оказалось, что когда я ехал в Брест, в это же время представитель Украинской Рады тоже едет в Брест. От этого пахло совершенно определенно, но в то время, в декабре, еще партия Кюльмана была достаточно сильна. Нам тогда предлагали самые выгодные условия. Во-первых, воображая, что мы—лицемеры и болтуны, что мы сами не верим ни в какие наши коммунистические фразы,—нам пред'явили декларацию, наполненную громкими словами о самоопределении народов, свободе морей и тому подобных вещах—самую анти-империалистическую декларацию, какую можно придумать. Когда мы получили эту немецкую декларацию,—мы просто не знали, что думать, что с ними случилось? Потом, на другой день, это об'яснилось, потому что на другой день, с ти-

личной грубостью и торопливостью людей, которые действуют в обстановке военного времени и спешат, Кюльман поставил вопрос о ввозе и вывозе, о таможенных условиях и т. д. Ясно было, что декларация была одной «словесностью», а что суть заключалась в том, чтобы возобновить торговые сношения с Россией, удовлетворить ту группу капиталистов, которая нуждалась в сбыте своей продукции, добыть сырья, хлопка, нефти и пр. В этом было все дело. Но нам нужны были вовсе не фразы—нам нужны были факты. Вы говорите о самоопределении национальностей? Хорошо. Когда же вы очищаете Польшу, Литву, Латвию и прочие территории, которые вы заняли, чтобы живущие на них национальности могли самоопределиться? И тут выступил Гофман. Когда один из членов нашей военной миссии спросил его, за обедом, как скоро немцы очистят первую зону, и какое пространство они намерены очистить в качестве такой зоны,—обычный военный вопрос,—то на вопрос, какое пространство они очистят, Гофман ответил: «Ни одного миллиметра». Наш военный уполномоченный пришел к нам и передал нам слова Гофмана. Мы, разумеется, как с неба свалились: после всех прекрасных слов, после декларации, разговоров о торговле—что же это значит? После обеда, рядом со столовой, собралась неофициальная, но, пожалуй, самая важная конференция: Кюльман, Чернин и Гофман, а с другой стороны наша делегация. Мы стали спрашивать,—как это понять? Есть декларация, мы говорим о торговле и о совершенно мирных вещах, а немцы ни одного миллиметра территории не собираются очищать. Гофман об'яснил: территория будет очищена после окончания общей войны и после заключения общего мира. А когда будет заключен общий мир и окончена война,—никому не известно. Пока же идет война, мы очистить территорий не можем—у нас тут и фабрики военные, и продовольствие мы отсюда получаем. Что же вы хотите, чтобы мы это все бросили? С чисто военной точки зрения, надо сознаться, все это было довольно разумно. Гофман был по своему прав. Тут мы поняли, что мы попали в самую дурацкую ловушку. Что же мы скажем нашим полякам, литовцам,—в нашей делегации они были, хотя и неофициально,—что мы скажем полякам, литовцам, в особенности нашим латышам, вернейшим союзникам, таким энергичным деятелям нашей революции, что мы им скажем? Что, де, вот мы заключили мир без всякого ваше-

го самоопределения, оставив вас на жертву немцам. Тогда они плюнут нам в лицо и скажут: какой же это мир, на что нам нужен такой мир?

Кюльман, а в особенности Чернин, были этим обстоятельством чрезвычайно смущены и, видимо, старались как-то наладить дело, но Гофман, за которым стояло все германское главнокомандование, с его огромным политическим весом, был неумолим и стоял на своем.

Разрыв переговоров получился сам собою, безо всяких усилий с нашей стороны. Мы сказали, что мы никаких уступок в этом отношении сделать не можем, и с этим вернулись в Петербург.

Затем наступил промежуток. Надо сказать, что мы смотрели на переговоры в Бресте, как на переговоры предварительные и настаивали, чтобы окончательные переговоры велись на нейтральной территории. Мы предлагали Стокгольм. Из дневника Чернина видно, до какой степени это предложение о Стокгольме было неприятно нашим противникам:

«Перенесение конференции в Стокгольм было бы для нас концом всего, потому что оно лишило бы нас возможности держать большевиков всего мира вдалеке от нее. Таким образом, стало бы неизбежно именно то, чему мы с самого начала и изо всех сил старались воспрепятствовать: поводья оказались бы вырванными из наших рук, и верховодство делами перешло бы к этим элементам. Теперь нужно выждать, что принесет завтрашний день: или победу, или окончательный разрыв переговоров».

Таким образом, совершенно ясно, что мы очень метко выбрали, с точки зрения дипломатической игры, Стокгольм, как базу для переговоров, где мы могли бы надавить в сторону революции и против империализма. Первая наша неудача заключалась в том, что на Стокгольме нам настоять не удалось. Как только прошел срок, который мы назначили для перерыва, в Петербург пришла телеграмма, спрашивающая, когда мы приезжаем в Брест. Мы совсем не хотели выезжать в Брест и поэтому мы долго обсуждали вопрос, ехать нам в Брест или нет. Я привожу это, как факт. Я не берусь этого оценивать, сделали мы ошибку или нет, что поехали вторично в Брест, но я не могу не прочесть отрывка, рисующего настроение

наших противников перед возобновлением брестских переговоров. Вот как рисует его в своем дневнике Чернин.

«Настроение как у нас, так и у германцев, весьма подавленное. Нет сомнения, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской депутацией, и мы поэтому приступили к делу в тот же день. Итак, у нас есть надежда, что мы придем к желанному результату, по крайней мере, в этих переговорах.

«Вечером после ужина пришла телеграмма из Петербурга, сообщающая о предстоящем прибытии делегации вместе с министром иностранных дел Троцким. Было занимательно наблюдать, с каким восторгом это известие было встречено немцами; лишь внезапное и бурное веселье, охватившее всех, показало, какой над ними висел гнет, как сильно было опасение, что русские не вернутся. Нет сомнения, что это знаменует собою большой успех, и у нас у всех чувство, что сейчас мир фактически на пути к осуществлению».

Я не знаю, повторяю, можно ли было поступить иначе или нет. Это всецело зависело от положения нашего фронта. Конечно, если бы мы не поехали, а у нас на фронте оказалось бы, что драться совершенно некому, то это, действительно, была бы только фраза и пустая угроза. Для этого нам нужно было очень точно знать положение вещей на нашем фронте в то время, в конце декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. Я прочитал этот отрывок, для того, чтобы показать, до какой степени важна была наша первая неудача, что мы отказались от Стокгольма и поехали в Брест. Это отразилось сразу и чисто внешним образом. Когда мы в первый раз были в Бресте в декабре, нас принимали с необычайной внешней предупредительностью и наш «хозяин», главнокомандующий восточного германского фронта, принц Леопольд Баварский, бывший друг Александра II, говорил о «могущественной русской республике» таким тоном, как будто он действительно имел дело с могущественной державой, могущей разговаривать с Германией на равной ноге. А о тов. Каменеве Леопольд не без почтительности осведомлялся, правда ли, что это зять «самого» тов. Троцкого? Для него этот факт, что Каменев—зять Троцкого, играл большую роль. Это была главная фигура. Теперь в январе в Брест приехал не зять Троцкого, а сам Троцкий, но тем не менее

прием был холоднее, по крайней мере, на 20 градусов; на нас совсем не обращали внимания, с нами почти не разговаривали. Что-то явно переменилось. Что переменилось—это можно было видеть воочию. Там сидел не один украинец, а сидела целая украинская делегация. Эти петлюровцы (хотя тогда еще Петлюры не было, но их приходится называть петлюровцами), эта петлюровская делегация была совершенно серенькая, но, тем не менее, она была явным образом в центре внимания немцев, с ней велись все переговоры. При помощи нее немцы надеялись получить легальный титул на ограбление России. А с нами они просто тянули. Отлично,—рассуждали они,—мы тянем, а русский фронт тем временем разлагается. Мы фактически прервали переговоры с немцами, и нас чрезвычайно мало тревожили. Я, помню, вел очень гигиенический образ жизни, гулял целыми часами в окрестностях Бреста. Словом, это были чрезвычайно своеобразные и грустные каникулы. Чтобы подействовать на наше настроение, Гофман и К-о не стеснялись прибегать к довольно грубым эффектам. В один прекрасный день мы были разбужены ураганным огнем, как нам показалось. Что это такое? Говорят, артиллерия стреляет. Настроение у всех нервное, напряженное. Что же это, военные действия что ли открываются? Потом я во время своих прогулок набрел на секрет этого эффекта. Оказывается, что на одном островке реки Буга немецкие солдаты упражнялись в бросании ручных гранат. Можно, вероятно, было бросать и не начиненные гранаты или гранаты, не производящие такого грохота. Это был явный немецкий трюк, расчитанный на то, чтобы подергать наши нервы.

Наконец, когда мир с Украиной был подписан (надо сказать, что Украинская Рада тогда владычествовала только над одним уездом Волынской губернии), нам немедленно был пред'явлен ультиматум—которого с нетерпением ждал Людендорф. Мирная партия, с Кюльманом во главе, и в эту минуту шла на максимальные уступки. Нам, например, предлагали в «сопользование» все гавани Балтийского моря—Ригу, Либаву и Виндаву. Мы могли там построить свои склады для товаров и везти потом эти товары прямо в Россию без таможенного досмотра и т. д. Это была крупная и для нас выгодная уступка. Вы знаете, что потом за доступ к Ревельскому порту (а о нем тогда и спору не было, Эстония еще была прочно в наших руках) нам пришлось заплатить библиотекой Юрьевского Университета;

получить доступ в Ригу стоило тоже порядочных расходов, а тогда это предлагалось даром. Но подписать империалистический мир и на этих условиях мы не могли, так что все эти предложения ни к чему не привели, и мы, в, конце-концов, согласно директиве, данной Ц. К., оставили немцам заявление, где излагали, что войну прекращаем, армию демобилизуем, но империалистского договора с Германией не подписываем. Тогда нам рисовалось, что мы сделали какой-то необычайно красивый жест, что из этого что-то выйдет. В значительной степени нас вводили в заблуждение и выступления германской «миролюбивой» партии, с Кюльманом во главе. На наш вопрос, не нападет ли Германия после этой декларации на нас, следовал гордый ответ: «Мы не разбойники». Кригге, глава немецкой экономической делегации, приходил к т. Иоффе, вел с ним переговоры насчет будущего плана торговых сношений и т. д. Первое неприятное ощущение мы испытали, когда мы, по приезде в Петербург, узнали, что Мирбах—глава германской делегации по обмену пленных—получил приказание экстренно выехать из Петербурга и уехать в Германию. От этого пахло дурно. А через несколько дней Германия пред'явила ультиматум, и, не дожидаясь ответа, начала военные действия. Немцы захватили Двинск, Псков. Это тот короткий и сильный удар, о котором говорит в своих мемуарах Людендорф. Война кончается, но не так, как хотелось нам и даже не так, как хотелось мирно настроенной партии в Германии, а так, как хотелось военной партии. Все те две тысячи орудий, которые оставались без прикрытия, достались в руки немцев. Этих военных припасов было такое огромное количество, что немцы их использовать не успели, и после германской революции значительная часть их попала снова в наши руки.

Так или иначе, мир мы должны были заключить. Ленин был совершенно прав, но мы заключили мир во много раз более тяжелый, чем могли бы заключить до того. Сейчас положение было такое, что граница подошла к самой столице, тогдашнему Петербургу, столицу пришлось переносить в Москву и т. д. Словом, наше стратегическое положение чрезвычайно ухудшилось. Так вышли мы из войны, вышли, как видите, благодаря в значительной степени нашей дипломатической неопытности, хуже, чем могли бы выйти. Мы вышли из войны с Германией, но не вышли из войны вообще, потому что вслед за этой войной началась в разных формах интервенция. О ней—в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Интервенцию можно разделить на две большие главы первую из которых можно назвать попытками возрождения восточного фронта, а вторую—борьбой с большевизмом. Собственно, совершенно отчетливо борьба с большевизмом, как задача, ставится Антантой,—Англией, Францией, Америкой и т. д., только в этот второй период. Причиной тут была, как вы увидите, германская революция. В первый период дело идет о восстановлении восточного фронта, который был, как вы помните, необходим уже с той точки зрения, что американская армия еще не поспела, ее ждали к весне 1918 г.; фактически она появилась на сцене только к июлю 1918 г., и нужно было задержать возможно большие массы германских и австрийских войск в России, чтобы они не были переброшены на западный фронт. Вы увидите из моего дальнейшего изложения, что тут был стратегически совершенно правильный расчет. На большевизм Антанта (это слово «Антанта» я не об'яснял, думая, что оно большинству из вас известно: так назывался союз Англии, Франции и одно время России, так называемое тройственное согласие—«Triple Entente»,—я его описывал,—образовавшееся, примерно, около 1907 г. и державшееся до 1917 г., когда из Антанты вывалилась Россия, так что в Антанте остались Англия и Франция с их союзниками), смотрела, как на явление местное,—это русская болезнь,—совершенно так, как у нас говорят о «французской болезни», поэтому обращать на это внимание не стоит. Большевиками могут быть только русские. Большевизм—не заразителен. Другие народы по отношению к нему иммунизированы. Правда, с самого начала так не смотрели немцы, которые принимали меры против заразы. Но, может быть, русская болезнь передается немцам, а другим народам—французам и англичанам, она не опасна.

Особенно же считали себя иммунизированными от этой болезни американцы. Позиция Соединенных Штатов по отношению к русским и русской революции была иной, чем позиция Антанты. Соединенные Штаты стояли на более широкой точке зрения и смотрели вперед гораздо более далеко. Они имели ввиду не непосредственное участие только России в войне, но и возможность эксплоатации ее в будущем, как арены для помещения американского капитала. В связи с этим первая глава интервенции, которую я назвал попыткой восстановления восточного фронта, в свою очередь, распадается на два отдела, из них первый отдел может носить название, которое, конечно, вас удивит,—попытки восстановить восточный фронт в союзе с большевиками, а второй отдел,—это попытка восстановить восточный фронт против большевиков, несмотря на большевиков и, значит, свергая их в случае надобности. Первый отдел, собственно, имеет интерес наиболее археологический, наиболее мимолетный, но он наименее известен, поэтому о нем стоит сказать два слова.

Я вам сказал, что американцы не связывали своей судьбы с Керенским. Керенский пал, а американцы остались и, «ничто же сумняшеся», возобновили переговоры с Лениным. Американский полковник Робинс, представитель Американского Красного Креста, вел эти переговоры в течение всей зимы 1917—18 г. К марту 1918 г. дело дошло уже до письменных документов в плоскости этих переговоров. Надо сказать, что хотя Ильич стоял все время за заключение мира, но Ильич, во-первых, никогда не был пацифистом, никогда не был противником войны в духе буржуазных американских романистов, которые думают, что можно искусственными мерами помешать людям воевать. Ильич никогда на этой точке зрения не стоял; а во-вторых, он нисколько не обманывался насчет характера того мира, который он вынужден был заключить.

Благодаря огромному запозданию,—потому, что следовали не политике Ильича, а другой политике,—условия мира страшно ухудшились. В декабре мы могли заключить мир, сохранив советскую Эстонию, советскую Финляндию, не платя ни копейки контрибуции, потому что в декабре немцы стояли на такой позиции, что взаимные претензии погашаются; а в марте мы потеряли советскую Эстонию, которая была занята немецкими войсками;

мы потеряли советскую Финляндию, которая была занята немецкими войсками; мы потеряли Украину, которая, за исключением одного уезда, перед этим уже была занята вся Красной гвардией, будущей Красной армией,—она была уже вся большевистской; потеряли Донбасс, криворожскую руду и т. д. Это был, об'ективно рассуждая, один из самых тяжелых миров, какие когда-либо заключала какая бы то ни было страна. И Ленин не скрывал этого ни от себя, ни от других. Он так и называл этот мир похабным; сравнивал этот мир, заключение этого мира с прохождением через чрезвычайно грязный хлев. Но, поскольку не было уже у нас никакого фронта, наша армия совершенно разложилась, мы должны были принимать какие угодно условия. Людендорф тут хорошо сыграл. Он довел до такого момента, когда на фронте у нас ничего не было и сопротивляться было нечем.

Совершенно естественно, что Ленин при этих условиях искал, на кого бы можно было опереться, чтобы от этого немецкого хищничества как-нибудь оборониться; кроме того, немцы—империалистические немцы—уже показали, что они способны на чисто разбойничьи, по их собственному определению, поступки, что от них можно ожидать какого угодно обмана. В этой связи надо понимать тот документ, который я вам прочитаю.

«В случае, если Всероссийский С'езд Советов откажется ратифицировать мир с Германией, или, если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжать свой грабительский набег, или, если Советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия,—во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти чрезвычайно важно получить ответ на следующие вопросы:

1. Может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии?

2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и на каких условиях—военным снаряжением, средствами транспорта, субсидиями, с'естными припасами?

3. Какого рода поддержка может быть оказана в частности и специально Соединенными Штатами?

Если бы Япония—в силу открытого или молчаливого соглашения с Германией, или без такого соглашения—попыталась захватить Владивосток и Восточно-Китайскую дорогу, что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана и серьезно помешало бы сосредоточению советских войск в Уральской области,—в таком случае, какие шаги будут предприняты другими союзниками, в частности специально Соединенными Штатами, для предупреждения японской высадки на Дальнем Востоке и для обеспечения непосредственных сношений с Россией по Сибирской дороге?

По мнению Соединенных Штатов, в каких размерах—при вышеупомянутых обстоятельствах—могла бы быть обеспечена помощь от Великобритании через Мурман и Архангельск? Какие шаги могло бы предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь и лишить основания слухи о яко бы враждебных планах Великобритании против России в ближайшем будущем?»

Такого рода вопросник был передан Робинсу, представителю Американского Красного Креста в Ленинграде, тогдашнем Петербурге, и должен был быть Робинсом послан президенту Вильсону, который должен был на это дать точный и ясный ответ. Причем Ленин, будто-бы—я подчеркиваю «будто-бы»: это мы знаем только от Робинса,—обещался не ратифицировать Брестского договора до получения этого ответа, но при этом, конечно, поставил определенный срок, в течение которого ответ должен был быть дан. Робинс рассказывает в своих воспоминаниях, что Ленин будто-бы до самого созыва 4-го С'езда Советов спрашивал его, есть ответ или нет. Робинс никакого формального ответа не получил, но когда открылся 4-й С'езд Советов, то мы все и вы, вероятно, с явным изумлением прочитали в газетах приветственную речь Вильсона по адресу этого 4-го Всероссийского С'езда Советов, речь довольно благожелательную. Тогда мы не поняли, что это значит, но Вильсон потом об'яснял, что речь была ответом именно на эти вопросы и ответом благоприятным. Значит, не связывая себя никакими документами, он как будто-бы обещал России поддержку. У нас нет такого лицемерия в крови, мы не поняли такого ответа, и, я помню, над бедным Вильсоном просто поиздевались. Как это так Вильсон, глава империалистического правительства, и вдруг стал отпускать комплименты по адресу большевиков? А Виль-

сон это истолковывал так, что это был благоприятный ответ на вопросы, поставленные Робинсу. Поскольку «тупоголовые большевики» этого не поняли,—вы знаете, что на 4-м С'езде Советов мы ратифицировали Брестский мир, и всякие попытки возрождения восточного фронта в союзе с большевиками могли считаться провалившимися.

Этот документ опубликован Робинсом за границей, так что за текст его я полного ручательства не могу дать, но факт самих переговоров есть факт несомненный. Во-первых, я знаю это из слов Владимира Ильича, который в одном разговоре со мной об этом упоминал, а во-вторых—от американцев, которые, не понимая наших внутри-партийных отношений и ослепленные тогдашним моим высоким званием председателя Московского Совета, ходили ко мне много раз и разговаривали даже о деталях этой помощи, что они привезут и т. д. Так что, в сущности, они ответ давали, но ответ давали, опять-таки, в частных разговорах, притом неофициального американского агента, а нам нужен был ответ от американского правительства, от Вильсона, и этого формального ответа мы не получили.

Но хотя, таким образом, возрождение восточного фронта в союзе с большевиками лопнуло, сама задача возрождения восточного фронта осталась перед Антантой и Соединенными Штатами, и даже в это время обострилась. Как раз весной 1918 г., с марта по май, немцы, освободившись от восточного фронта, предпринимают грандиозное наступление на фронте западном и достигают успехов, каких они не имели с 1914 г. Английская армия была разбита совершенно; она потеряла 200.000 пленных и 2½ тысячи орудий. Это был полный разгром. Франция была накануне полного разгрома. В направлении к Ламаншу немцы продвинулись на 65 километров. В то время продвижение на 5 километров считалось громадным успехом, а они продвинулись на 65 километров. Они едва не захватили Амьен, который являлся точкой связи между английским и французским фронтами. Если бы они его захватили, то английская армия не только была бы разбита,—она была уже разбита,—но она наглухо была бы отрезана от французского фронта. В Шампани, на южном фронте, немцы продвигаются вперед на 50 километров. Американской армии пока не было. Американская армия поспела только к июлю. Хотя принимались са-

мые экстренные меры, чтобы американскую армию переправить в Европу, хотя в Европу направляли одних солдат, набивая их в пароходы в тройном размере сверх нормы, причем снаряжения и лошадей не брали, потому что всем этим должны были снабдить союзники,—несмотря на эти экстренные меры, только к июлю американская армия поспела на западный фронт.

Таким образом, в тот момент, когда попытка восстановить восточный фронт при помощи большевиков лопнула, в это время в восстановлении восточного фронта Западная Европа нуждалась особенно остро. В этой связи нужно понимать интервенцию, которая отмечена восстаниями чехо-словаков, Комитетом членов Учредительного Собрания, взятием Казани и всем тем, что было летом 1918 года. Нужно было во что бы то ни стало восстановить восточный фронт, чтобы оттянуть некоторое количество германских дивизий с фронта западного.

Потерпев неудачу в попытке ориентироваться на большевиков, американцам было совершенно естественно обратиться к их противникам. В этой связи стоит заключенный, приблизительно в мае 1918 г., договор французской и английской миссии с эсэрами. Когда мы судили эсэров в 1922 г., мы еще не имели в руках всех документов этого договора, и хотя эсэровские цекисты с чрезвычайным великодушием брали на себя личную вину, все же уличить их партию в том, что она заключила этот договор, мы не могли. А теперь мы знаем, что договор французов и англичан был заключен именно с эсэровской партией, с ее ЦК. Эсэры обязались поднять восстание. Обязались правые, но, по существу, и левые тут не без греха, и восстание левых эсэров 6-го июля нужно ставить в эту связь. Схема была такая: поднять восстание против большевиков, сбросить их, и при помощи Франции, Англии и т. д. воссоздать этот самый восточный фронт. Но, как вы догадываетесь, в тех обстоятельствах, в каких в то время находился западный фронт, никакой серьезной военной силы послать в Россию было нельзя. Англичане заняли Мурман и Архангельск в качестве залога, и как ворота, через которые будущий восточный фронт должен был снабжаться; но дальше пойти они не могли. Сила их была там ничтожная: 20—25 тысяч человек. Поэтому нужно было отыскать внутри России вооруженную силу, на которую можно было опереться. Этой силой оказался чехословацкий стрелковый корпус, составлявший к этому времени

силу около 50 тыс. штыков и шашек,—силу не разложившуюся. В то время как наша русская армия разложилась до конца, чехо-словаки не разложились и представляли собой вполне боеспособную силу. Под тем предлогом, что их повезут через Владивосток,—это, очевидно, было подстроено,—они заняли всю Сибирскую железную дорогу от Пензы до Владивостока, таким образом заняв ту артерию, по которой должна была итти американская и японская поддержка. Единственная армия, которую можно было бы послать для восстановления восточного фронта, это была японская армия. Об этом мне американские агенты говорили совершенно откровенно и вычисляли, какое количество японских дивизий могло быть брошено на Волгу. Это они говорили, когда собирались восстановить восточный фронт в союзе с большевиками, но и после крушения этой попытки стратегический план оставался тот же самый. Таким образом, была захвачена Сибирская жел. дорога, а затем была придумана юридическая оболочка для всего этого. Этой юридической оболочкой был Комитет членов Учредительного Собрания («Комуч»), который завладел Самарой, Симбирском, Казанью, Уфой и т. д.,—получил некоторую территорию. Это был законный титул, легальный титул, законная оболочка для всего этого. Нельзя же было действовать в России просто от имени французов, англичан, японцев, американцев и т. д. Надо было изобразить, что какая-то часть русского народа желает тоже поддержать это движение. Насколько мы в это время были слабы,—этого нечего скрывать,—следует хотя бы из того, что Казань взяли 700 человек—300 чел. офицерского батальона и 400 чехов,—взяли Казань, где было несколько десятков тысяч красноармейцев. Красная армия с тех пор имела такие великие заслуги, что они давно это покрыли. Но тогда она существовала только на бумаге. Люди были только что взяты, они еще совершенно не были обучены. В массе своей крестьянская молодежь вовсе не хотела сражаться. Словом, мы были тогда действительно крайне слабы. Но был один пункт, и этот пункт нужно подчеркнуть, потому что он характерен для всего будущего, был один пункт, и в этом пункте ошиблась Антанта и ее союзники в России—эсэры. Этот пункт тот самый, который об'ясняет слабость Красной армии в то время. Если наш крестьянин в то время, летом 1918 года, не обнаруживал особенной охоты сражаться за Советскую

власть,—это надо прямо сказать,—то еще меньше он имел охоты сражаться за Учредительное Собрание и возобновлять войну с Германией. И первая же попытка эсэров произвести мобилизацию и обложить податями население, что необходимо было для того, чтобы существовать правительству, ведущему войну, моментально подняла это население на ноги против эсэров. А рабочие, по заявлению самих эсэров, были против них с самого начала. Таким образом, получалась та картина, которую один из эсэров, Климушкин, описал весьма выразительно: единственной силой, которая поддерживала членов Учредительного Собрания,—были чехо-словаки. Комитет членов Учредительного Собрания, выступавший от имени всего населения России, сразу оказался на положении иностранного завоевателя, притом завоевателя чрезвычайно слабого физически, ибо, по мере того, как Красная армия улучшалась, те ничтожные силы, которыми оперировал Комитет членов Учредительного Собрания,—эти ничтожные силы все больше таяли.

Таким образом и эта попытка возобновить восточный фронт против Советской власти тоже не удалась. Неудача об'ясняет нам, почему эсэров тотчас же прогнали. Антанта и Соединенные Штаты—это были люди практичные: они смотрели в суть вещей; им важна была не декорация Учредительного Собрания; они эту декорацию выдвинули,—ничего не выходит, никого этим не приманишь. Тогда они поворачиваются к Комитету членов Учредительного Собрания спиной и обращаются к форменным монархистам—к Колчаку, Деникину, Юденичу, начинают оперировать с ними. Эсэры вертелись и барахтались всячески, пока не получили телеграмму Пишона, французского министра иностранных дел, который раз'яснял, что Комитет членов Учредительного Собрания не есть Учредительное Собрание. Кучка в 50—70 человек не есть Учредительное Собрание, которое состояло из 500 человек и представляло собою не одних эсэров, но и другие партии. Курьезно, что французский министр иностранных дел должен был раз'яснять эсэрам азбучные истины государственного права.

Итак, первая глава интервенции—попытки восстановить восточный фронт сперва в союзе с большевиками, а потом против большевиков,—кончилась неудачей. Но к тому времени, когда вся эта возня закончилась, перестал быть практически нужным и сам восточный фронт, ибо в октябре-ноябре 1918 года

Германия рухнула. Если бы она рухнула просто под натиском американской, французской и т. д. армий, то это, вероятно, на первое время просто прекратило бы всякую интервенцию. Но Германия рухнула в обстановке грандиознейшей революции, какая разыгралась в Европе после русской революции, в обстановке германской революции. Эта германская революция, которая сразу же приняла советский облик, выразившийся в том, что немцы образовали Советы Солдатских и Рабочих Депутатов, явно клонилась к господству спартаковцев, т.-е. коммунистов. Спартаковцы—это зародыш германской коммунистической партии. Эта революция страшно напугала Антанту и даже Америку, ибо стало совершенно очевидно, что учение, будто бы большевизм есть русская болéзнь,—это учение совершенно не оправдалось; большевизм, оказывается, может охватить и Европу. Он захватил центральную Европу. Уже советы есть в Вене, Берлине и Мюнхене. А что же дальше? Почему большевизм не может захватить Англии, Франции и т. д? И тут начинается паническая попытка интервенции уже в борьбе с большевизмом. Тут дело идет уже не о восстановлении восточного фронта, а о том, чтобы раздавить большевиков, потому что большевизм оказывается не русской, а всемирной болезнью, и нужно стремиться уничтожить ее очаг, как какой-нибудь очаг чумы где-нибудь в Китае или Индии.

Но страх Антанты был так в это время велик еще, что в ней сначала наметились две струи. Одна из этих струй очень мало известна, и о ней можно сказать, что эта была попытка Антанты столковаться с большевиками. Если раньше пытались с большевиками в союзе восстановить восточный фронт, то теперь имеется попытка: нельзя ли большевиков взять на капитуляцию. Они слабы. Ясно, что они голодают. На Западе голод наш рисовался в самых ужасных чертах. Говорили, что улицы Москвы поросли травой, что на этих улицах валяются трупы, и т. д.

Конечно, нам жилось тогда очень плохо, но все-таки до таких размеров дело не доходило, а главное дело,—положение хотя медленно, но постепенно улучшалось, так что было не так плохо. Но на Западе казалось, что хуже быть не может. Так нельзя ли большевиков взять на капитуляцию, добиться того, чтобы они действительно национализировались сами: сиди смирно у себя, там и большевистствуй, сколько влезет, но

нас не трогай? Позвольте вам прочесть циркуляр, который разослал Ллойд-Джордж в марте 1919 года:

«Величайшую опасность,—писал Ллойд-Джордж,—настоящего положения я вижу в том, что Германия может соединить свою судьбу с большевиками и предложить все свои средства, все свои способности, все свои громадные организаторские силы в распоряжение революционных фанатиков, которые мечтают силою оружия завоевать весь мир для большевизма».

Что мы мечтали завоевать весь мир для большевизма,—это факт,—но только не силою оружия, но это все равно.

«Если Германия,—продолжает Ллойд-Джордж,—перейдет в руки спартаковцев, то она неизбежно соединится с русскими большевиками. Раз это случится, вся восточная Европа будет втянута в орбиту большевистской революции, и через год мы будем свидетелями зрелища, как 300 миллионов человек, организованных в огромную Красную армию, под руководством германских инструкторов и германских генералов, вооруженную германскими пушками и пулеметами, возобновят атаку на Западную Европу»...

Я должен сказать, что Ллойд-Джордж обнаружил большую проницательность. Представьте себе, что мы не были бы разбиты под Варшавой в августе 1920 г. и прорвались бы в Германию,—эта картина осуществилась бы несомненно. Но не Ллойд-Джордж, а наши друзья американцы первые вступили на эту дорогу, первые практически попробовали: а нельзя ли в самом деле сговориться с большевиками?

И вот, почти одновременно с этим циркуляром Ллойд-Джорджа (циркуляр относится к марту, а то, что я рассказываю относится к февралю) в Москве снова появляется агент Вильсона—Буллайт. Он вступает в переговоры с Лениным, а так как Ленину было важно выиграть время, то Ленин охотно идет на проект такого договора:

«Все существующие де-факто правительства в России и Финляндии сохраняют власть на принадлежащей им территории, исключая случаи, которые может предусмотреть конференция,—что народы, обитающие на территории, управляемой правительством де-факто, сами пожелают переменить правительство».

Я думаю, что всякий тут видит прищуренный глаз Ильича. Очень хорошо. Мы не будем свергать ни Колчака, ни Деникина,

но если само население, сама Сибирь пожелает прогнать Колчака,—конечно, не можем же мы мешать?

«При этом должно быть гарантировано общим взаимным обязательством не применять силы для низвержения какого-бы то ни было из этих правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербейджан и Афганистан».

Это то, что мы уступаем. Мы не звери, мы самые кроткие ягнята, сидим себе в Москве, кушаем преимущественно вегетарианскую пищу, потому что другой не имеем. А вот что мы желаем за это получить:

«2. Экономическая блокада снимается и восстановляются взаимные торговые сношения.

3. Советскому правительству предоставляется беспрепятственный транзит по всем железным дорогам и пользование всеми портами, принадлежавшими прежней Российской империи и Финляндии.

4. Граждане охватываемых соглашением стран имеют право свободного в'езда, проживания и перемещения в полной безопасности под условием невмешательства во внутреннюю политику других стран. Взаимно обеспечивается право посылать официальных представителей, которые не должны обязательно иметь все права дипломатических чиновников, но пользуются правом иммунитета.

5. Об'является общая амнистия всем политическим противникам, преступникам и пленным в России и для всех, кто преследуется или может быть преследуем вне России за оказание помощи Советской России. Все военнопленные должны быть возвращены.

6. Немедленно по подписании этого соглашения все иностранные войска отзываются из России, и прекращается всякая военная поддержка анти-советских правительств. Все армии, остающиеся в России, переводятся на мирное положение.

7. Правительства России и Финляндии отвечают за финансовые обязательства прежней империи перед странами, участвующими в этом соглашении и их подданными. Дальнейшие постановления на этот счет согласуются с этими основными принципами».

Я не знаю, помните вы или нет, как нас всех ошарашило тогда, в 1919 г., радио Чичерина, где впервые признавалось, что на известных условиях РСФСР согласна рассмотреть

вопрос о возмещении кредиторов России за те долги, которые мы отказывались платить. Так что ничего нового нет в тех переговорах, которые мы ведем сейчас с Францией. Надо вспомнить только радио Чичерина еще в 1919 году.

Буллайт должен был вернуться в Америку, получить подпись того же знаменитого Вильсона под этим договором, и затем должен был наступить мир и в «человецех благоволение». Этого не случилось потому, что если в Америке и даже в Англии плохо понимали взаимоотношения большевиков и белых правительств, находившихся на территории России, то белые-то правительства отлично понимали, что, в сущности, этот договор означает их низвержение через год—два, так как ясно было, что массы их не поддерживали и что при наличности свободной большевистской пропаганды, которая осуществлялась по договору несомненно, и вообще при развязывании рук большевикам, белые, конечно, так или иначе, будут свергнуты в весьма близком будущем. Поэтому ни одно из белых правительств на это и не согласилось, и, очевидно, под влиянием прежде всего их протестов, Вильсон договора не подписал.

Но с этим договором связан один об'ективный факт. Всех поразило,—почему французы вдруг ушли с северных берегов Черного моря, куда они высадились? Об'ясняли это различно; во-первых, разложением французской армии. Это верно, она разложилась, и об этом я еще буду говорить. Затем, об'ясняли это чрезвычайно энергичной деятельностью местных большевистских организаций. Один из одесских большевиков пишет: так мы этих французов напугали, что ничего им больше не оставалось, как убежать. Конечно, я уверен, наши большевики в Одессе превосходно действовали, но, чтобы их испугался такой зверь, как Антанта,—я очень сомневаюсь.

Дело было не в этом. Если мы сопоставим события, вспомним, что французы очистили Одессу в начале апреля, к 10 апреля, к тому сроку, к которому Вильсон должен был дать ответ, то вы поймете, в чем было дело. Тут начиналась подготовка к исполнению обязательств Буллайта,—но осуществлены они не были. Кто тут виновник,—я сказать не могу, но, вероятно, не считая уже отмеченного выше протеста белых, виновники скорее всего англичане, которым к этому времени удалось взять дирижерскую палочку, а главное, удалось захватить наиболее выгодные куски территории бывшей Российской империи. Как

только Германия рухнула, так первое, к чему устремились почтенные союзники, это—вступить в права наследства. Если вы проследите, как интервенты и белые занимали различные части СССР, то увидите, что занимались те части, которые были под контролем Германии. Украина была занята немцами. Туда высаживаются французы и всякие их клиенты, греки и т. д. Дальше окрестностей Одессы они не пошли, но они собирались итти до Харькова и Киева. Англичане занимают Закавказье, Батум, Баку, где стояли союзники немцев—турецкие войска. Мы знаем проект генерала Деникина занять белыми и антантовскими войсками всю пограничную полосу: и Белоруссию, и Латвию, и Эстонию и т. д. Это все не удалось и не вышло. Почему не удалось и не вышло,—этим я закончу лекцию, а факт тот, что не вышло. А план такой был. Англичане захватили Закавказье, захватили Сибирь, потому что Колчак был их агентом: Колчак был агентом англичан. Он, правда, не был привезен генералом Ноксом в своем вагоне в Омск,—это фактически неверно, но, если фактически неверно относительно Нокса и вагона, то это было правильно по существу. Колчак был устроен на своем месте англичанами. Англичане все это желали удержать в своих руках. Вот почему они настаивали на продолжении войны с большевиками, которая им казалась обещающей большие перспективы. Вот почему они ремонтировали, вооружили армию Деникина на 250 тысяч человек, снабжали армию Колчака. Как раз весной 1919 года Колчак имел большие успехи. Он быстро продвигался вперед, захватил Пермь, угрожал Казани и т. д. Это способствовало тому, что договор не был подписан и что интервенция продолжалась. Я не стану гадать, что было бы, если бы состоялось это соглашение,—ускорило бы оно ход вещей или задержало бы, прекратило бы гражданскую войну, или затянуло бы, но факт тот, что соглашение не состоялось и попытка во что бы то ни стало столковаться с Россией лопнула.

В этой связи стоит и приглашение, присланное Ллойд-Джорджем нам и всем правительствам на русской территории на конференцию на Принцевых островах, под Константинополем,—о чем достаточно писали в газетах. На эту конференцию мы поехали бы с величайшим удовольствием, но белые никто не поехал, и конференция не состоялась.

После этого начинается упорная попытка нас низвергнуть исключительно силой оружия. Я вам не буду рассказывать под-

робности этой попытки, т.-е., подробности нашей гражданской войны, а перейду к тем международным условиям, которые обеспечивали провал этой попытки. В самом деле, это как будтобы загадка. Настоящая голая, в буквальном смысле слова, голая страна, у которой ничего как будто-бы нет,—ни хлеба, ни мануфактуры, ничего,—заводы не работают, производительность труда упала до последнего минимума и т. д.; на нее лезет та Антанта и те Соединенные Штаты, которые сейчас только что раздавили такого колосса, как Германию; и вот, такой колосс, как Германия, оказался сплющенным в лепешку, а голая Россия отстоялась. Почему так было?—Внутренние условия вы знаете,—я их не буду повторять. Эти условия заключались в том, что по мере того, как белая сторона этой гражданской войны падала, как дело от Учредительного Собрания переходило к явномонархического типа командованию, масса крестьянского населения перекачнулась на нашу сторону, и мужик с белыми не пошел. Это и об'ясняет нам крах всех белых правительств. Как только они начинали мобилизовать крестьян и собирать подати, они вызывали против себя партизанщину. На истории колчаковщины мы можем это проследить чрезвычайно близко. Мобилизация, подати и партизанщина идут в Сибири друг за другом, до необычайности тесно. К этому надо прибавить и ряд случайных, с точки зрения внутренних наших отношений, обстоятельств. Возьмите хотя бы германскую революцию, крушение германского восточного фронта. Это отдало в наши руки колоссальное количество снаряжения, и только благодаря этому мы могли выдержать войну не только с белыми, но и с Польшей. Но всего этого мало для об'яснения нашей победы. Повторяю, тут приходится взять в расчет международные условия, как международные в смысле отношений между странами, так и международные—внутри отдельных стран. Оба эти условия, которые я охарактеризую, интересны потому, что они продолжают действовать и до сих пор. Это не только нечто историческое, но и актуальное, что и теперь сохраняет все свое значение.

Прежде всего, несмотря на трогательное название «Антанта»—взаимное согласие,—несмотря на формальный союз, несмотря на Лигу Наций и прочие прекрасные вещи, отношения внутри этого лагеря очень напоминали те отношения между сербами и болгарами, о которых я говорил на одной из

предшествующих лекций. Когда я читал эти лекции свердловцам, то в качестве образчика я приводил роман Пьера Бенуа «Владетельница Ливанского замка»,—авантюрный роман. Иногда авантюрные романы прекрасно рисуют быт. Там изображены взаимоотношения англичан и французов, быт французского офицерства в Сирии, т.-е. там, где происходит сейчас война. На чем вертится этот роман?—На том, что один французский офицер изменил. В чем заключается измена?—В том, что он поступил на службу к англичанам. Видите-ли: двое союзников—англичане и французы, и один из них совершает черную измену тем, что переходит на службу... к кому?—К союзнику,—к Англии. В это время отношения Франции и Англии в колониях превращались в форменную войну. Война шла не из-за России, но она отражалась на отношениях союзников внутри России. В то время как французы убрали войска с северных берегов Черного моря, англичане снарядили Колчака, Юденича, Деникина и бросили их на Россию. Одним словом, согласия между двумя этими сторонами не было.

Но еще более сложный переплет получается, если мы возьмем Сибирь и Дальний Восток. Там главная сила, которая могла бы быть использована как для воссоздания восточного фронта, так и для борьбы с большевизмом, была Япония. Пока речь шла о восстановлении восточного фронта, японцев допускали высаживать сколько угодно солдат на сибирском континенте. Но как только рухнула Германия, американский министр иностранных дел запрашивает японцев: что означает семидесятитысячная японская армия в Сибири, и на каком основании японцы туда пришли? Японцы говорят: мы воюем против большевизма. Да, но 70.000 солдат зачем; достаточно и 8.000. В конце концов, японцы должны были ограничиться одной дивизией. Но этого было еле-еле достаточно, чтобы удержать Владивосток и его окрестности. До какой степени все вертелось на конкуренции Японии с Соединенными Штатами и Англией, видно из факта интронизирования, посажения на престол Колчака. Накануне этого события стоит телеграмма главнокомандующего войсками эсэровской директории Болдырева к японцам с просьбой о помощи. Сегодня он послал телеграмму, а завтра он летит к чорту, при благосклонном содействии представителей Англии, которые в это время находились в Омске.

Это первое условие, которое осудило интервенцию на неудачу. Этим условием было то, что при буржуазном строе никакая Антанта, никакая Лига Наций не может создать такого монолитного целого, которое действовало бы единым фронтом. На короткое время такая спайка может быть, но вы помните, как они обманывали друг друга во время империалистской войны. Теперь вы видите, как это мешало им в интервенции. Надо прибавить к этому кое-какие суб'ективные моменты, вроде того, что Англия вовсе не хотела восстановления единой России, а стремилась добиться раздробления России, в этой связи она не брала тогдашнего Петрограда, хотя имела возможность это сделать, и мешала Юденичу его брать. Посылая орудия на одном пароходе, англичане посылали замки к ним на другом. Это был определенный, явный саботаж; белые говорят, что англичанам ничего не стоило взять тогдашний Петроград, но они этого не делали, потому что взятие Петрограда страшно приблизило бы победу белых. Победа белых означала бы воссоздание единой России, а единая Россия англичанам совсем не была нужна, потому что единая Россия пришла бы с векселем на Константинополь и проливы. Если вы эти подробности припомните, то поймете, почему по самой сути буржуазной политики и буржуазного строя интервенты не могли столковаться. Вот почему такие огромные звери, которые лезли на нас, были нами отбиты, хотя с огромным трудом,—эти звери передрались между собою.

На этом сыграла, и мастерски сыграла, наша дипломатия, т.-е. дипломатия Ленина, ибо внешнюю политику вел он лично.

Это то, что касается отношений между странами интервенции. Но, товарищи, этого мало. Эти страны грызлись между собою и в то же самое время, грызясь между собою, имели врагов внутри себя. Возьмите вы 1919 год: январь,—почти всеобщая забастовка в Англии, причем забастовка углекопов прокатывается по всей стране и за ней следом прокатывается забастовка по всем профессиям и областям. Затем, в июне забастовка текстильщиков, в сентябре всеобщая железнодорожная стачка. И на этом фоне телеграмма Черчиля, который, давая об'яснения, почему англичане очистили Архангельск и Мурманск, откровенно говорит: «Настроение английского общественного мнения, а в особенности рабочих, было таково, что мы вынуждены были отозвать свои войска».

Во Франции, благодаря ее промышленной, сравнительно, отсталости, не было таких всеобщих забастовок, какие были в Англии, но, если вы возьмете 1919 год, то там непрерывный перекат забастовок то в одной профессии, то в другой, то в третьей.

Вот какая перед нами картина; картина, с одной стороны, буржуазного мира, который, в силу того, что он буржуазный, в силу классовых основ капиталистического строя, разделен, грызется между собою, а, с другой стороны, картина рабочего класса, который, не будучи формально об'единен, ибо в это время только завязывался III Интернационал (в конспиративном заседании в феврале 1919 года в Кремле; первый настоящий С'езд Коминтерна был в июле—августе 1920 года), действует дружно, локоть к локтю. Если вы сравните эту солидарность рабочего класса, действующего коллективно, в силу общности интересов, помогающего друг другу, не сговариваясь,—ибо не мы устраивали стачку железнодорожников или углекопов в Англии, а они сами,—а, с другой стороны, коалицию этого грызущегося буржуазного мира, то вы увидите, что это не только история, а это великое обещание и залог будущего. Нас могут постигнуть несчастия, но нужно помнить одно, что раздробленный, разделенный буржуазный мир никогда не одолеет внутренне-связанного и спаянного своими интересами пролетариата, и в конечном счете победа останется за рабочим классом, как это великолепно понимает и сама буржуазия, которая начинает об этом говорить все откровеннее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . 3—6

Лекция 1-ая . . . . . 7—31

Мнение Ленина о внешней политике; как его следует понимать. Самодержавие—аппарат торгового капитализма; противоречит ли диалектике существование в России самодержавия до начала XX в. Историческая диалектика, мелкое производство и торговый капитализм; Китай; пестрота нашего хозяйственного развития (стр. 7—11).

Борьба за торговые пути, как стержень внешней политики царской России с XVII по начало XX в.; отличие этой политики от политики промышленно-капиталистических государств (стр. 11—13).

Ближний и дальний Восток во внешней политике царизма; англо-русский конфликт середины XIX в. и Сибирская жел. дорога (стр. 13—17). Вопрос о незамерзающей гавани и о Манчжурии; «соглашение» с Ли-Хун-Чангом и соглашение с Вильгельмом II; захват Порт-Артура (стр. 17—24). Русско-германский союз на Дальнем Востоке, как основной фактор дальневосточной политики Николая II; личная авантюра этого последнего, ее роль, ее место в истории конфликта и ее влияние на течение этого последнего (стр. 25—29). Роль Соединенных Штатов; столкновение на Дальнем Востоке двух коалиций: Англия—С. Штаты—Япония и Германия—Россия; поражение последней (стр. 29—31).

Лекция 2-ая . . . . . 32—56

Роль промышленного капитала в дальневосточной авантюре; что значит: «русско-японская война б. империалистической войной» (стр. 32—35).

Крушение русско-германского союза и русско-английский договор 1907 г. Его настоящее значение; подготовка русско-германской войны; показания Колчака (стр. 35—39). Основные конфликты, ведшие к войне: англо-германский (стр. 39—41), германо-французский (стр. 41—42), русско-турецкий (стр. 42—43).

Постепенное развертывание этого последнего конфликта, сербско-болгарский союз и балканские войны 1912—1913 гг. (стр. 43—46). Русско-французские и русско-английские военные соглашения (стр. 46—48). Непосредственные причины и непосредственные виновники войны; значение русской мобилизации (стр. 48—52).

Дипломатическая борьба во время войны; как Николай добывал Константинополь; русско-германские переговоры во время войны и влияние их на судьбу Романовых (стр. 52—56).

Лекция 3-ья . . . . . 57—78

Разруха тыла и анти-военные настроения перед февральской революцией; дворцовый переворот, как попытка предупредить революцию; анти-военный смысл этой последней; роль Керенского и Антанты; смысл «Коалиции»; состояние фронта непосредственно после февраля; об'ективный смысл удержания России в войне (стр. 57—68).

Брестский мир; что толкало к миру Германию; Германия и союзники, «военная» и «мирная» партии в самой Германии; план Людендорфа (стр. 68—71). Наша политика во время брестских переговоров; чем она мотивировалась и в чем была ее ошибка; роль украинской рады (стр. 71—73); ген. Гофман и самоопределение национальностей; первый разрыв; вопрос о Стокгольме; вторая Брестская делегация; «не мир—не война»; германский ультиматум (стр. 73—78).

Лекция 4-ая . . . . . 79—95

Ленин и Брестский мир; можно ли было опереться на «союзников»? Вопросник, переданный Робинсу и ответ на него Вильсона (стр. 79—83). Попытка восстановления восточного фронта против большевиков; чехо-словацкое восстание и Комуч (стр. 83—86). Германская революция и угроза «мирового большевизма»; циркуляр Ллойд-Джорджа и переговоры Буллайта (стр. 86—91). Крах переговоров и вооруженная интервенция; причины ее неудачи (стр. 91—95).

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

THIS BOOK IS THE PROPERTY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY